Ф3649.

Баронъ М. Ф. ТАУБЕ.

МОСКОВСКАЯ

Философско-Математическая

ШКОЛА,

основанная проф. Бугаевымъ,

и

славянофильство Хомякова.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія журнала „Мирный Трудъ". Дѣвичья ул., № 14.
1908.

Тир.—48

Кабинет марксизма МГУ.

Баронъ М. Ф. ТАУБЕ.

ф3649

Уральская областная БИБЛИОТЕКА фундаментальная

МОСКОВСКАЯ

Философско-Математическая ШКОЛА,

ОСНОВАННАЯ ПРОФ. БУГАЕВЫМЪ,

И

СЛАВЯНОФИЛЬСТВО ХОМЯКОВА.

Проверено 1936 г.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія журнала „Мирный Трудъ". Дѣвичья ул., № 14.
1908.

19р(с)

Отдѣльные оттиски изъ журнала „Мирный Трудъ“ за 1907 г.

Уральский Индустриальн. Ин-т
им. С. М. КИРОВА
Фундаментальн. библиотека

Пр. 1940

ПРЕДИСЛОВІЕ.

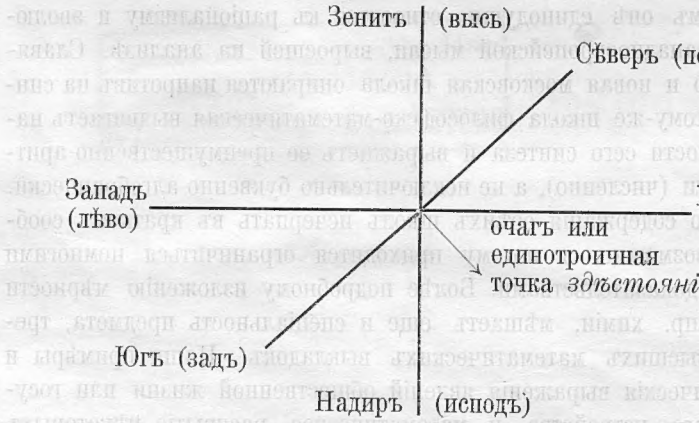
Настоящее изслѣдованіе вызвано сообщеніемъ г-на Логанова о Московской философской математической школѣ и государственномъ строѣ Россіи, читаннымъ въ обществѣ „Возрожденіе“ въ Петроградѣ. Въ дополненіе къ сему сообщенію въ докладѣ нашемъ въ томъ-же обществѣ мы пытались установить связь указанной московской школы съ славянофильствомъ. Докладъ этотъ и легъ въ основу настоящаго изслѣдованія. Сходство обѣихъ школъ подтверждается не только общимъ содержаніемъ, но и тѣмъ общимъ отрицаніемъ, съ которымъ онѣ единодушно относятся къ раціонализму и эволюціонизму западноевропейской мысли, выросшей на анализѣ. Славянофильство и новая московская школа опираются напротивъ на синтезъ. Къ тому-же школа философско-математическая выдвигаетъ начало мѣрности сего синтеза и выражаетъ ее преимущественно аритмологически (численно), а не исключительно буквенно алгебраически.

Всего содержанія обѣихъ школъ исчерпать въ краткомъ сообщеніи невозможно, а потому приходится ограничиться немногими частными доказательствами. Болѣе подробному изложенію мѣрности наукъ, напр. химіи, мѣшаетъ еще и спеціальность предмета, требующая высшихъ математическихъ выкладокъ. Наши примѣры и аритмологическія выраженія явленій общественной жизни или государственнаго устройства и математическое раскрытіе нѣкоторыхъ философскихъ понятій приведены, какъ изъ работъ московской школы, такъ и изъ сочиненія Хомякова (напр. математическое выраженіе понятія свободы). Аритмологическое элементарное раскрытіе понятія абсолютнаго (предѣльнаго) творчества выведено нами лично самостоятельно. Психологическое обоснованіе неограниченнаго самодержавія заимствовано изъ рѣчи, произнесенной нами въ Москвѣ на всероссійскомъ съѣздѣ союза русскихъ людей, союза русскаго народа и другихъ монархическихъ отечестволюбныхъ союзовъ. Взгляды на русское государственное домостроительство и на процессъ жизни

по началамъ московской философско-математической школы изложены словами г-на Логанова, который любезно предоставилъ намъ рукопись своего чтенія. Приведя нѣкоторую часть его доклада, мы замѣнили въ немъ только немногія иноязычныя слова русскими словообозначеніями, принятыми нами въ нашихъ трудахъ, дабы тѣмъ согласовать его по языку съ нашимъ изложеніемъ.

Употребленіе длинныхъ иноязычныхъ оборотовъ рѣчи почему-то принято московскою философско-математическою школою. На это намекаетъ даже проф. Некрасовъ, объясняя этотъ недостатокъ „громадною трудностью перевода мысли съ языка точной науки на общедоступный".

Построеніе своего труда проф. Некрасовъ называетъ *„метагеометрическимъ* или *координативнымъ"*. Слѣдуя его примѣру, и мы располагаемъ наши категорическія понятія по координатнымъ осямъ, такъ что получается большею частью трех-троичное построеніе изъ трехъ противоположностей, связанныхъ по срединѣ среднею троицею срединнаго (центральнаго) сосредоточія по образу странъ объемнаго свѣта:



Таковъ нашъ обычный способъ изображенія коренныхъ положеній и категорическихъ философскихъ понятій.

СОДЕРЖАНІЕ.

§ 1. Вступительное слово.

Глава I. **Главныя основы новой философской школы.**

§ 2. Необходимость и свободотворческій починъ.
§ 3. Непрерывность и прерывность и изображеніе ихъ математическими знаками и выраженіями (формулами).

Глава II. **Сходство и различіе славянофильства и мѣромудрой школы.**

§ 4. Общее содержаніе какъ славянофильства, такъ и московской школы.
§ 5. Значеніе личнаго начала въ обѣихъ школахъ и координація славянофильскаго ученія.
§ 6. Мѣрность въ мудрости.
§ 7. Свободная воля по ученію обѣихъ школъ.
§ 8. Начало примѣненія аритмологіи къ философіи положено Хомяковымъ.
§ 9. Взаимныя отношенія цѣломудрости славянофильства и мѣромудрости философско-математической московской школы.

Глава III. **Примѣры аритмологическаго изображенія философскихъ понятій и явленій общественной жизни.**

§ 10. Полнота понятія о творчествѣ, выраженная числовыми знаками (аритмологически) и представленная наглядно пространственнымъ построеніемъ.
§ 11. Правильное совѣщательное провидящее цѣлесообразное дѣланіе.

Глава IV. **Самодержавіе и неограниченность его власти.**

§ 12. Взглядъ мѣромудрой школы на процессъ жизни.
§ 13. Славянофильское и мѣромудрое тріединство русской государственности.
§ 14. Психологическая основа самодержавія, т. е. неограниченности царской власти.
§ 15. **Заключеніе.** Значеніе и внутренній смыслъ московской философско-математической школы.

Московская философско-математическая школа, основанная проф. Бугаевымъ, и Славянофильство Хомякова.

„Ты все расположилъ мѣрою, числомъ и вѣсомъ“.
Премудр. Соломона 11, 21.
„Слова благоразумныхъ взвѣшиваются на вѣсахъ“.
Премудр. Сираха XXI, 21.

§ 1. Вступительное слово.

Всякая новая постановка научныхъ задачъ, влекущая за собою коренное измѣненіе въ міровоззрѣніи или жизнепониманіи, а тѣмъ болѣе—измѣненіе въ путяхъ самого познанія, пріобрѣтаетъ себѣ сторонниковъ очень медленно, туго и не сразу. Всякая научная новизна въ области философіи, непонятная вначалѣ, встрѣчается наиболѣе ученѣйшими представителями науки сильнѣйшимъ отпоромъ и даже иногда преслѣдованіями. Если это прискорбное, но тѣмъ не менѣе часто повторяемое, явленіе замѣчается на западѣ, въ Европѣ, то что-же сказать о томъ, когда то же происходитъ и въ Россіи? Съ тѣмъ большимъ недовѣріемъ встрѣчаютъ у насъ новые пути, если они—*русской мысли, русскаго самобытнаго творчества, русскаго просвѣщенія*, несмотря на то, что въ области чистой мысли, чистаго сознанія и непосредственнаго дара творчества—умъ русскій до сего времени никѣмъ на цѣломъ свѣтѣ превзойденъ не былъ. И это относится не только къ области богословскаго вѣдѣнія или изящной словесности, но и чистой науки, чистаго умозрѣнія (Лобачевскій, Менделѣевъ, Чебышевъ).

Не нужно удивляться, что просвѣтительная слава Россіи не громка; это нисколько не измѣняетъ самой дѣйствительности—существующаго превосходства русскаго духа, ибо русское просвѣщеніе ищетъ Истину и правду, которыя всегда свѣтятся лучезарнымъ побѣдоноснымъ свѣтомъ, но которыя воспринимаются большинствомъ очень трудно, медленно и нерѣшительно.

Съ недовѣріемъ встрѣтило общество „интеллигентовъ“ и новую Московскую школу философско-математическаго направленія, потому, конечно, что школа эта старается выбиться изъ колеи западнаго матеріалистическаго міровоззрѣнія, избавиться отъ эволюціоннаго жизнепостиженія, отъ раціоналистическаго знанія и домогается встать на твердыхъ научныхъ ногахъ новаго направленія, дабы пойти по новому пути вѣдѣнія для пріобрѣтенія новаго полнаго міросозерцанія и новаго глубокаго цѣльнаго жизнепониманія.

Но Московская философско-математическая школа, представителями которой являются профессора: Бугаевъ, Некрасовъ и Алексѣевъ, при всей новизнѣ постановки основныхъ началъ, по своей сути лишь послѣдовала по пути старой школы славянофиловъ, хотя иныя части разработаны Московскою школою не всегда въ духѣ Хомякова, Кирѣевскаго и Гилярова-Платонова, а отчасти навѣяны талантливымъ, но крайне сбивчивымъ и не серіозно-послѣдовательнымъ мыслителемъ—Вл. Соловьевымъ.

При обсужденіи глубоко содержательнаго доклада г-на Логанова: „*Московская философско-математическая школа и государственный строй Россіи*“—было высказано желаніе опредѣлить ближе связь и соотношеніе между московской философско-математической школой—(мѣро-мудрости, какъ назовемъ ее кратко по содержанію)—и славянофильскимъ любомудріемъ.

Настоящее изслѣдованіе направлено къ исполненію сего желанія, но при всей добросовѣстности труда—въ полной мѣрѣ задачу эту выполнить было невозможно по причинѣ богатства, разносторонности и широкообъемности обоихъ ученій. Приходится ограничиться лишь общедоступнымъ изложеніемъ главныхъ сторонъ ученія.

Новая московская школа даетъ новыя основанія для правильнаго опредѣленія научно-философскаго міровоззрѣнія.

Подъ словами „научно-философское міровоззрѣніе“ мы разумѣемъ пониманіе міровыхъ явленій всякаго рода механическаго, душевнаго или духовнаго строя, на основаніи данныхъ, какъ точныхъ наукъ, такъ и философіи. Но каждая точная наука добивается выполнить свою задачу отысканія истины строго логическими и измѣрительными пріемами, а потому должна по мѣрѣ своего совершенія (усовершенствованія) выразить свои окончательныя положенія и выводы мѣрою, числомъ и математическою формулою. Такимъ образомъ наука по необходимости должна обратиться къ математикѣ, заимствуя у нея также способы изслѣдованія и выражая научныя истины посредствомъ математическихъ знаковъ. „Не говоря объ астрономіи, пишетъ проф. В. Г. Алексѣевъ, физикѣ, химіи, которыхъ тѣсная связь съ математикою уже не подлежитъ сомнѣнію, можно сказать, что назрѣваются уже вопросы о мѣрѣ въ области мысли, воли и чувствъ, рѣшеніе которыхъ можетъ вывести моральныя науки изъ стадіи общихъ соображеній и дать имъ большую положительность“. (Математика, какъ основаніе критики научно-философскаго міровоззрѣнія стр. 7).

Не будетъ большою смѣлостью сказать дополнительно, что, кромѣ законовъ вещественной природы (нынѣ иначе, какъ математически не выражаемыхъ), кромѣ законовъ явленій жизненныхъ, общественныхъ и государственныхъ, къ изображенію которыхъ теперь стали примѣнять также математическіе пріемы,—и философскія понятія способны къ математическому обозначенію. Такъ напр. *достовѣрность* бытія выражаютъ обыкновенно аксіомою: 2-жды 2=четыре, $2\times2=4$; *мнимость*, т. е. невозможность бытія, изображается квадратнымъ корнемъ изъ отрицательной единицы [i=(immaginaire)$\pm$i=$\pm\sqrt{-1}$]; *свободу* Хомяковъ представляетъ произведеніемъ понятія безконечности на „ничто“ (свобода ∞. 0); *неопредѣленность* математики выражаютъ отношеніемъ „ничего“ къ „ничему“ $\frac{0}{0}$ (отношеніемъ нѣта къ нѣту) или, что то же, нулевою степенью нуля $0^0=\frac{0a}{0a}$ *полнота разнообразія* обозначается выраженіемъ $A\pm B\sqrt{-1}=A\pm Bi$, то, что называется „комплексною величиною“ (complet—полно) и т. д.

Одна изъ задачъ математики—опредѣлить зависимость и взаимную относительность величинъ и количествъ, а также

и равенство зависимыхъ отношеній, т. е. соотносительность (пропорціональность). Ученіе объ отношеніяхъ и соотношеніяхъ геометрическихъ и ариѳметическихъ преподается въ низшихъ классахъ среднихъ училищъ. Но разъ есть возможность, даже въ предѣлахъ начальнаго обученія, опредѣлить въ иныхъ случаяхъ математически зависимость, то не подлежитъ сомнѣнію, что и независимость, т. е. свобода отъ зависимости, также подлежитъ математическому выраженію. Въ высшемъ анализѣ зависимость называется „Функціей“ и обозначается литерою F или f, т. е. функція отъ перемѣнной, напр. F(x), f(a). Вотъ еще одинъ примѣръ изображенія философскаго отвлеченнаго понятія *„зависимость“* математическимъ знакомъ: Почему-бы, спрашивается, „противоположное ему понятіе“ *„независимости“* или *„свободы отъ зависимости“* также не выразить математическимъ пріемомъ, хотя-бы буквою C, которая обозначитъ понятіе *„свобода отъ“* и *„независимость отъ“*. Напр. C(a) выразило-бы независимость или свободу отъ *a*, какъ F(a) выражаетъ зависимость или функцію отъ *a*. Раскрытіе философскаго понятія *свобода* есть задача, какъ славянофильства, такъ и философско-математической школы.

Вообще во всякомъ измѣненіи, во всякой перемѣнѣ можно опредѣлить зависимость, или самостоятельность и независимость, т. е. свободу отъ этой зависимости. Такъ измѣненіе перемѣннаго можетъ быть прерывнымъ и непрерывнымъ, такъ сказать, скачками, перелетомъ. Свойства и пріемы изслѣдованій зависимостей непрерывныхъ существенно отличаются отъ свойствъ и способовъ выраженія зависимостей прерывныхъ, перемѣнныхъ. Тутъ кроется причина, почему вся умозрительная (не пространственная) математика дѣлится на два громадныхъ отдѣла: ученіе непрерывныхъ (аналитическихъ) и ученіе прерывныхъ (синтетическихъ) зависимостей. Первый отдѣлъ называется математическимъ анализомъ (математика отношеній отвлеченныхъ величинъ), второй—аритмологіей (математика числовыхъ отношеній). Но оба отдѣла отличаются отъ математики пространства (геометріи), причемъ всѣ три въ общей совокупности все же не заполнятъ всей цѣльности и полноты математическихъ отношеній. И дѣйствительно, кромѣ указанныхъ частей въ математикѣ выдѣляются ученіе о величинахъ случайныхъ, на-

зываемое ученіемъ *вѣроятностей*, и ученіе о предѣлахъ и границахъ возможнаго, называемое ученіемъ о *предѣлахъ* или о *безконечностяхъ*.

Вотъ всѣ эти отношенія возможности и невозможности, достовѣрности (дѣйствительнаго) и вѣроятности, прерывности и непрерывности, необходимости и случайности, свободы и зависимости, самостоятельности и связности, предѣльности и безпредѣльности—легли въ основу изслѣдованій московской школы мѣрной мудрости. Славянофильство-же установило заранѣе точныя опредѣленія сему ряду понятій и распредѣлило ихъ на два отдѣла: анализа и аритмологіи. Какъ выводъ всему сему, установляется положеніе: математическія основы приложимы не только къ явленіямъ природы и къ выраженію законовъ веществъ, но и къ явленіямъ душевной жизни общества и государства и даже человѣчества. Болѣе того,—математика способна раскрыть суть понятій философскаго отвлеченія. Приложеніе математики къ философіи—только въ зачаткѣ, и вообще не всѣ части приложенія математики даже къ точнымъ наукамъ, какъ-то —естественнымъ и общественнымъ (соціальнымъ), разработаны въ одинаковой степени, но математичность любомудрія внѣ сомнѣнія; она уже доказана и для научнаго сознанія становится явленіемъ весьма желательнымъ. Инымъ кажется даже необходимостью требовать отъ философіи *мѣрности*, и то любомудріе, которое сдѣлается строго математичнымъ, должно превзойти своею цѣлесообразностью и доказательностью ту философію, которая мѣрности не допускаетъ. Таково русское любомудріе. И посему именно русскому славянофильскому любомудрію предназначено подвинуть человѣчество по пути уразумѣнія міровой истины.

Глава I. Главныя основы новой философской школы.

§ 2. Необходимость и свободотворческій починъ.

Укажемъ, хотя кратко, на главныя начала новой философской школы, а именно на изученіе понятій: необходимости и свободотворческаго почина, прерывности (discretion) и

непрерывности (continuität) явленій, безконечности и предѣльности въ измѣненіяхъ.

Наиболѣе сильной и коренной составной частью философскихъ воззрѣній основателя школы, Н. В. Бугаева, являются его глубокіе и своеобразные взгляды на условія математической мыслимости такихъ понятій, которыя до сихъ поръ всегда выключались изъ области, доступной опредѣленію математическими выраженіями. Подчиненіе какихъ-нибудь явленій дѣйствительности строгимъ математическимъ законамъ всегда означало господство *роковой необходимости* надъ всѣмъ разнообразіемъ существующаго, господство *безусловной предопредѣленности* каждаго явленія и безпредѣльности или безконечности измѣняемости жизненныхъ проявленій. Все это извѣстно подъ названіемъ *„детерминизма“* или *„нецессаріанизма“*. Проф. Н. В. Бугаевъ одинъ изъ первыхъ съ обдуманнымъ разумнымъ убѣжденіемъ показалъ, что этотъ обычный, сильно распространенный взглядъ есть только ложный предразсудокъ. *Свобода* (или, вѣрнѣе, свободо-творческій починъ) есть столь-же хорошо мыслимое и хорошо обоснованное понятіе, какъ и необходимость. Онъ пошелъ дальше; онъ не только усмотрѣлъ математическую мыслимость и возможность свободы (свободотворческаго почина), но показалъ еще *неизбѣжную математическую необходимость проявленія* этого свободнаго почина, когда будутъ опредѣлены всѣ данныя обстоятельства его возникновенія. *Математическая необходимость свободы (иначе свободотворческаго почина)*—вотъ та глубокая мысль, которую онъ раскрывалъ и защищалъ настойчиво и основательно, будучи проникнутъ непоколебимой вѣрой въ ея огромное научное міровое значеніе. Такова приблизительная оцѣнка основъ Бугаевскаго ученія, сдѣланная извѣстнымъ профессоромъ философіи Л. М. Лопатинымъ. Мы только пустое понятіе „свободы“ желали-бы замѣнить содержательнымъ понятіемъ *„свободотворческаго почина“* ибо свобода есть лишь условіе, обстоятельство дѣйствія, а не сама сила, не само дѣйствіе. Нужно опредѣлить сперва, какая свобода: свобода отъ чего именно, а затѣмъ только изслѣдовать эту свободу отъ сего заранѣе опредѣленнаго и указаннаго явленія. Это краеугольное положеніе школы, изображенное нѣсколько другими понятіями и словами и приложенное къ области духа, можетъ быть вы-

ражено такъ: *міръ видимый подчиняется необходимо постояннымъ законамъ природы и потому является, какъ выраженіе расклубленія или эволюціи цѣпи, строго послѣдовательной, причинъ, явленій и слѣдствій. А есть иной міръ явленій, который этой строгой причинно-слѣдственной канители не подчиняется, не нарушая притомъ ни одного постояннаго механическаго или иного закона природы.* Дѣйствительно, кромѣ причинности, есть и цѣлесообразность, и многіе изъ мыслителей начинаютъ признавать, что ходъ міровыхъ событій подчиняется не только законамъ опредѣленной причинности, но направляется къ свободновыбраннымъ, цѣлесообразнымъ назначеніямъ, и потому непрерывное теченіе событій не безусловно, оно подвергается перемѣнамъ и прерывается, дѣлая скачки и перелеты по требованію выбраннаго цѣледостиженія. Тутъ два теченія явленій: одно необходимо роковымъ образомъ вытекающее изъ незыблемыхъ безжизненныхъ законовъ, а другое этимъ законамъ не подчиненное и потому проявляющееся совершенно свободно отъ какой-либо законной механической причины; и произвольное творчество этой свободы доступно выраженію съ такою-же математическою точностью, какъ и сама необходимость. Одна закономѣрность, такимъ образомъ, подчинена роковой необходимости, а другая также закономѣрность,—произвольныхъ, самыхъ чудотворныхъ и даже причудливыхъ проявленій,—не подчинена року, а проявляется въ силу свободной воли, но, какъ и первая закономѣрность, одинаково законна. Тайна свободы почина въ ея единеніи съ высшею закономѣрностью можетъ быть рѣшена и станетъ научно понятна, когда найдутъ математическое ея выраженіе. Хотя и кажется, что никакой человѣческій умъ не въ состояніи разрѣшить эту тайну въ окончательномъ видѣ, но все-же, хоть отчасти и приблизительно, она и теперь узнана и освѣщена, какъ внѣшнимъ, такъ и внутреннимъ познаніемъ, ибо сущность нравственной свободы заключаетъ въ себѣ и закономѣрную необходимость. Чѣмъ послѣдовательнѣе кто-либо дѣйствуетъ, тѣмъ болѣе онъ подчиняется нравственнымъ своимъ началамъ, тѣмъ становится онъ свободнѣе. Свобода есть добровольное и непринужденное подчиненіе требованію духа добиваться добра, истины и правды. Такъ что эта свобода произвола не только возможна, но она представляетъ собою строгую математиче-

скую необходимость проявленія творческаго духа. Отвергнуть ее—значитъ отвергнуть обширную область явленій дѣйствительности и прежде всего весь кругъ сложныхъ нравственныхъ душевныхъ проявленій и историческихъ дѣйствій міровой жизни.

§ 3. Непрерывность и прерывность и изображеніе ихъ математическими знаками и выраженіями (формулами).

Разница между этими областями необходимости или свободы, вѣрнѣе, суть этой разности заключается въ непрерывности и прерывности самого явленія, въ безконечности и предѣльности ея дленія. Первое міровоззрѣніе исключительнаго эволюціонизма есть взглядъ механическій, причинно-слѣдственный и по своей исключительности не обнимаетъ полноты всѣхъ явленій міровой жизни. Онъ заключается въ томъ, что не допускаетъ иныхъ творческихъ силъ почина, кромѣ законовъ природы, коимъ подчиняются всѣ явленія и механической, и жизненной дѣйствительности. Законы незыблемы, и никакая человѣческая воля не можетъ измѣнить ни одного жизненнаго дѣйствія, ибо таковыя суть лишь проявленія заранѣе опредѣленныхъ нормъ и неизмѣнныхъ законовъ. Таково мнѣніе нецессаріанизма о законахъ внѣшней природы. Механическая причинность явленій оказывается допустимой только тамъ, гдѣ наблюдается непрерывная измѣняемость явленій, не знающая себѣ конца, и гдѣ такая непрерывность можетъ быть точно установлена. Въ дѣйствительности же многія явленія совсѣмъ не подчинены закону непрерывности и безконечности. Напротивъ, они совершаются перелетами, скачками, прерывисто, произвольно, но при этомъ не случайно.

Сила, которая направляетъ эти прерывныя явленія, въ этомъ второмъ случаѣ не *внѣшняя* со стороны привходящаго вліянія, а внутренняя; она есть *самосила* данной единицы (энергія), она—изъ себя самостоятельно выступающій свободотворческій починъ.

И вотъ Бугаевъ доказываетъ, что знакомство съ законами мѣры, чиселъ и величинныхъ математическихъ отношеній должно неизбѣжно привести мыслителя къ признанію въ природѣ большого значенія самостоятельной дѣятельно-

сти лицъ или волящихъ единицъ (волящихъ сознаній). Очевидно, что подобная волящая свобода допустима лишь въ томъ случаѣ, если дѣйствіе непрерывныхъ законовъ можетъ быть осилено осмысленною творческою волею, когда непрерывное теченіе ряда безконечнаго измѣненія приведено будетъ другою силою къ предѣлу, и *„безконечное неопредѣленное“* творческимъ личнымъ могуществомъ превращено будетъ въ *„опредѣленное“* и притомъ *„предѣльное единство и цѣльность“*. Своеобразно раскрываетъ эту мысль и основатель Славянофильства Хомяковъ: „Все не есть итогъ явленій“, пишетъ онъ (I 335). Вы можете сказать, что аршинъ есть часть версты или земного радіуса, но не можете сказать, что аршинъ есть часть всемірнаго поперечника, обращающаго этотъ поперечникъ въ итогъ аршиновъ. Точно также не можете вы сказать, что явленіе есть часть „всего“, обращающая это „все“ въ итогъ явленій. Частное не итожится въ безконечное „все“, а начало всякаго явленія, очевидно, заключается именно въ этомъ „все“, т. е. въ мыслимомъ, а не представляемомъ и не являемомъ“.

Перейти отъ частнаго и частичнаго ко всему цѣлому въ полнотѣ и есть переходъ къ предѣлу, и этотъ переходъ требуетъ, кромѣ неизмѣнныхъ законовъ явленій, еще и силу прекратить дѣйствія сихъ законовъ для новаго почина, когда опять законы природы начнутъ воздѣйствовать неизмѣнною своею силою. Зерно въ амбарахъ ждетъ сознательную руку сѣятеля, чтобы попасть на влажную почву, мать сыру землю, и произрости въ плодоносный колосъ. Признать это великое значеніе личныхъ внутреннихъ свойствъ, независимыхъ порожденій отъ всякихъ внѣшнихъ вліяній живыхъ существъ, не трудно для человѣка, по сути своей свободнаго, и чѣмъ рѣзче починъ произволенія и чѣмъ опредѣленнѣе въ явленіяхъ природы обнаруживаются эти именно внутреннія личныя качества, тѣмъ *менѣе* такія явленія могутъ отличаться непрерывностью.

Такова связь личнаго почина и неизбѣжнаго закона съ прерывностью и непрерывностью. Несомнѣнно оба ряда явленій подчинены двумъ закономѣрностямъ: и прерывныя измѣненія, и непрерывная ихъ канитель одинаково доступны выраженію математическими величинами и знаками, т. е. числомъ, мѣрою и математическими дѣйствіями отношеній

(+, —, ×, :, √, <, >, =). Въ этомъ направленіи высшая математика жизненныхъ явленій, при работѣ надъ прерывными дѣйствіями, вынуждена отказаться отъ исходныхъ началъ вещественной механики и обратиться къ совершенно противоположнымъ основамъ, т. е. къ духовному началу; и дѣйствительно, для того, чтобы согласовать законы чиселъ, мѣры и отношеній величинъ съ высшими проявленіями природы и жизни, должно прибѣгнуть къ понятіямъ духовнаго міра, ибо свобода, личная самобытность, общественная самостоятельность и самодержавіе всѣхъ видовъ—суть проявленія внутреннихъ качествъ живаго духа, а не механичности. Они, чтобы достичь научной достовѣрности, должны быть также выражены математическимъ языкомъ и величинными символами. Эти мысли прямо вытекаютъ изъ словъ самого Бугаева, который стремится найти мѣру въ области мысли, воли и чувства и въ ней видитъ задачу современнаго философа, политика и художника. Онъ ищетъ въ чистой математикѣ отвѣтовъ на нѣкоторые вопросы сущности и коренныхъ основъ современнаго научно-философскаго міросозерцанія. Напримѣръ, сама свобода воли человѣка не только совмѣстима съ исполинскою закономѣрностью общественныхъ явленій, но представляетъ собою неотъемлемое условіе этой закономѣрности. И этика, которая, съ точки зрѣнія механической закономѣрности, не можетъ быть научно-утверждена, получаетъ полное обоснованіе съ точки зрѣнія законовъ цѣлей.

Какая такая существуетъ математика, которая берется опредѣлить законы, какъ непрерывности, такъ и прерывности, какъ свободы, такъ и вмѣстѣ съ тѣмъ необходимости или законности? что за наука, которая вмѣстѣ и аналитична, и аритмологична, такъ сказать „*лично безличная*“, по выраженію декадентовъ? Математика въ ея неограниченномъ приложеніи дѣйствительно могущественна и чудотворна. Она одна въ таинообразованіи начальныхъ и предѣльныхъ величинъ сочетаетъ и тѣсно сливаетъ во едино видимыя противоположенія и даже кажущіяся противорѣчія. „Математика (какъ пишетъ Бугаевъ) есть наука, изучающая сходство и различіе въ области явленій количественнаго измѣненія. Это самое общее ея опредѣленіе. Всѣ остальныя ея опредѣленія вытекаютъ изъ него, какъ его простыя слѣдствія. Мысли ко-

личественнаго измѣненія и порядка, которому подчиняются эти измѣненія, суть основныя мысли математики. Измѣняющееся количество называется „перемѣнной величиной“. Европейская точная наука основывается на раздробленіи цѣлаго на части. Познаваніе по частямъ и есть *аналитическій пріемъ;* но рядомъ съ *анализомъ (раздробленіемъ)* воздвигается мало по малу исполинское зданіе другой части чистой математики,—это ученіе о собираніи или соборности прерывныхъ *функцій (зависимостей)*, что и называется *аритмологіей*.

Въ настоящее время все приводитъ къ мысли, что аритмологія не уступитъ анализу по обширности своего *матеріала (содержанія)*, по общности своихъ пріемовъ, по замѣчательной красотѣ своихъ выводовъ. Прерывность гораздо разнообразнѣе непрерывности. Можно даже сказать, что сама непрерывность есть прерывность, въ которой измѣненіе идетъ черезъ безконечно-малые и равные промежутки времени.

Разнообразіе видовъ, подъ которыми является прерывность, ведетъ къ тому, что научные вопросы аритмологіи часто бываютъ сложнѣе и труднѣе соотвѣтствующихъ вопросовъ анализа.

Анализъ есть только первая ступень въ развитіи научныхъ математическихъ истинъ, простѣйшій видъ, подъ которымъ онѣ появляются. Вотъ почему анализъ развился ранѣе, остановилъ прежде всего вниманіе математика. Для развитія же аритмологіи не только нужны всѣ средства анализа, но еще и цѣлый рядъ совершенно новыхъ способовъ и пріемовъ изслѣдованія. Въ этомъ отношеніи аритмологія есть настоящій складъ математическихъ *методовъ* (способовъ) *мышленія*. Въ ней сосредоточивается и *собирается* самое разнообразное оружіе для математическихъ изысканій.

Между двумя отдѣлами—анализомъ и аритмологіей—существуетъ полное соотвѣтствіе. Почти каждому крупному отдѣлу анализа соотвѣтствуетъ свой особый отдѣлъ аритмологіи. Знаменитый математикъ Гауссъ говоритъ: *„Математика царица наукъ, но аритмологія царица математики“*.

Истины аритмологіи носятъ на себѣ печать своеобразной обособленной личности, привлекаютъ къ себѣ своей таинственностью и поразительною красотою. Но, кромѣ анализа и аритмологіи, математика вѣдаетъ еще и геометрическими пріемами. Къ геометріи вполнѣ прилагаются пріемы анализа

и аритмологіи; въ ней, однако, являются также и самостоятельные пріемы. Они вытекаютъ изъ того свойства, что протяженіе (пространство) подлежитъ нашему непосредственному чувству созерцанія и очевидности. Это обстоятельство придаетъ геометрическимъ истинамъ, кромѣ логической доказательности, еще наглядность и созерцательную убѣдительность. Подобное сочетаніе логической доказательности и созерцательной убѣдительности сообщаетъ особую прелесть истинамъ геометріи.

Вотъ приблизительное выясненіе самимъ проф. Бугаевымъ значенія математики вообще для выраженія всякой непрерывности и прерывности. Мы эти мысли его заимствовали изъ рѣчи, произнесенной имъ въ общемъ собраніи X-го съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей 21 августа 1903 года въ Кіевѣ, незадолго до его смерти.

Этимъ закончимъ выясненіе не только возможности, не только полезности, но и необходимости выразить, для научной достовѣрности, явленія общественной жизни точными данными и подвести ихъ къ точному математическому измѣренію и соотношенію. Какъ ни нова можетъ быть для иного такого рода постановка вопроса, какъ ни мало привычно мнѣніе, что даже философскія понятія могутъ быть выражены математично, понятія, подобныя свободѣ, творческому почину, мнимости, неопредѣленности и т. д., а все-же вопросъ этотъ имѣетъ свою исторію и принадлежитъ не новѣйшему времени. Въ Россіи онъ преемственно унаслѣдованъ отъ славянофиловъ, въ чемъ постараемся убѣдиться изъ послѣдующаго разсмотрѣнія.

Глава II. Сходство и различіе славянофильства и мѣромудрой школы.

§ 4. Общее содержаніе славянофильства и московской школы.

Теперь изслѣдуемъ, насколько основныя положенія школы аритмологіи совпадаютъ или разнствуютъ отъ школы славянофильскаго просвѣщенія. При сравнительномъ обзорѣ не трудно доказать не только ихъ внѣшнее сходство, но и

сходство внутренней сути, хотя въ иныхъ частяхъ, быть можетъ, найдутся и разныя мѣстныя разномыслія.

Славянофильство есть „протестъ“ или умственный и духовный отпоръ западно-европейскому идеализму, позитивизму, раціонализму, эволюціонизму и мистицизму, т. е. отпоръ всей философской западной цивилизаціи, основанной на филіоквестическомъ детерминизмѣ римско-католичества и протестантства, унаслѣдованномъ отъ древней римской цивилизаціи. Переводя это тяжеловѣсное опредѣленіе на русскій языкъ,—славянофильство есть философскій отпоръ западно-европейской наукѣ и убѣжденіямъ, не допускающимъ свободотворческаго произвольнаго начала ни въ одной изъ областей человѣческой жизни.

Московская школа философско-математическаго направленія, которую условимся для краткости называть *мудромѣрною* или *мѣромудрою*, установляетъ, какъ мы видѣли, два рода явленій міровой всесвѣтной дѣятельности: 1) прерывныхъ свободотворческаго почина и 2) непрерывныхъ закономѣрныхъ, подчиненныхъ законамъ природы механическимъ, физическимъ, физіологическимъ, химическимъ и т. д. Но вмѣстѣ съ тѣмъ и въ законахъ химіи и физіологіи, не говоря уже о законахъ біологическихъ и соціалистическихъ, находится закономѣрность прерывности наряду съ непрерывностью механическою.

Всякое новое направленіе мысли начинается съ сомнѣнія, критики и отрицанія существующаго, ходячаго, господствующаго мнѣнія. Славянофильство, какъ новое любомудріе, начало свою мыслительную дѣятельность также критикою, а именно критикою идеализма Гегеля и критицизма Канта. Московское любомудріе открыло свою философскую дѣятельность критикою основъ бекоповскаго и дарвино-спенсеровскаго эволюціонизма, но оба отрицательныя стремленія славяномудрія и мѣромудрія предприняты для расчистки поля знанія явленіями свободотворческаго почина прерывнаго личнаго произволенія; оба ученія волюнтаристическаго обоснованія, т. е. опираются на свободную волю личности въ жизненныхъ явленіяхъ человѣка, общества и человѣчества.

Вообще всякое новое направленіе философіи находитъ въ прошедшихъ укладахъ любомудрый прообразъ въ лицѣ отдѣльныхъ выдающихся мыслителей. Предшественника сла-

вянофильства всего легче усмотрѣть въ лицѣ Лейбница (Любница) съ его монадологіей и съ ученіемъ о предустановленной гармоніи. Предшественникомъ мѣромудрости Бугаева можно смѣло признать основателя Пангеометріи,—Казанскаго профессора Лобачевскаго, который ввелъ въ геометрію основы сосредоточенности единоличнаго пространственнаго начала. Подобно сему и аритмологія Бугаева устанавливаетъ также сосредоточенно-единоличное начало числовой обособленности, которую принимаетъ за выраженіе свободотворческой (душевно-духовной) единоличности. Такъ по Лобачевскому въ природѣ пространства безконечныхъ параллельныхъ направленій, *чертъ (линій)* нѣтъ; т. е. нѣтъ такихъ двухъ чертъ (линій) или прямыхъ лучей, между которыми разстояніе оставалось-бы постояннымъ при всякомъ безконечномъ продолженіи. Всѣ параллельные лучи сходятся въ очагѣ сосредоточенности, послѣ чего происходитъ переломъ и начинается вмѣсто сходимости—расходимость, и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ удаленнѣе отъ начальнаго очага—центра. Все объединяется въ сердцевинѣ или очагѣ своей единицы.

Тоже по Бугаеву: всѣ числовыя количества опредѣляются, т. е. прерываются на переломахъ и для полученія аритмологической величины, нужно непрерывную длительность свести къ предѣлу, т. е. къ сему перелому. Тогда въ очагѣ предѣла непрерывность предѣлоустановляется, предѣлодостигается, досовершается; предѣльствуется, переламывается, проще—прерывается. Въ семъ очагѣ аритмологическаго производителя свободотворческой величинной и математической изначальности (починности) образуется новая самостоятельная единица, самодержавная числовая особь.

Смыслъ сего средоточія разсматривается въ славянофильствѣ, какъ философскомъ ученіи. Нравственно-духовное домостроительство соборнаго общества людей сплоченныхъ и сосредоточенныхъ родомъ—въ семьѣ, хозяйствомъ—въ общинѣ, ремеслами—въ артеляхъ, въ общественной жизни—въ сословіи, въ государственной жизни—въ самодержавствѣ, въ междугосударственной—*въ культурно-историческомъ типѣ* (или мірѣ); въ міровой жизни—въ материковыхъ великодержавствахъ, во всесвѣтной жизни—въ человѣчествѣ земли нашей общей *планеты (виталища);* наконецъ въ исторіи и въ жизни христіанской, т. е. жизни умершихъ, живущихъ и

грядущихъ христіанъ—въ Церкви Христовой, коей конечное достиженіе—слава Царства Божьяго,—таковы главные кругозоры все болѣе раздвигающіеся до предѣла Господа въ славянофильскомъ жизнепониманіи. Предметы философскаго труда славянофиловъ можно распредѣлить въ болѣе систематическомъ порядкѣ, а именно, на девять отдѣловъ или міровъ: 1) міръ божественный, 2) личный, 3) природный (физическій), 4) міръ церковный, 5) государственный, 6) народный, 7) міръ разумный, 8) міръ нравственный, 9) міръ внѣшней гармоніи (міръ искусства). При этомъ срединный міръ личный, для большаго подробнаго изслѣдованія, отнесемъ къ тремъ областямъ: духовной, душевной и плотской (физіологической); а область душевную въ свою очередь распредѣлимъ на три стороны или силы: разума, чувства и воли. Въ срединномъ сосредоточіи психическаго въ человѣкѣ Хомяковъ ставитъ *волю*. Онъ волюнтаристъ самый опредѣленный. Связь всего Хомяковъ видитъ въ чувствѣ *любви*,—опять самое типичное, образцовое проявленіе всемірной жизни съ волевой стороны, ибо *любовь* и есть наиболѣе произвольное проявленіе силы хотѣнія. Хомяковъ любомудръ и человѣколюбъ, и жизнелюбъ (славянолюбъ) по преимуществу. У него вся жизнь всего мірозданія (космоса) движется и держится самоотверженностью, самодержавностью и любовью. Любовь не аналитическая безразличная сила; она сила синтетическая и личная, а потому аритмологическаго свойства. Воля и любовь—понятія сосредоточенныя, срединныя также и по ученію Московской школы. Такъ что по внутреннему значенію обѣ школы одного содержанія, одного направленія.

§ 5. Значеніе личнаго начала въ обѣихъ школахъ и координація славянофильскаго ученія.

Для домостроительства всего христіанства требуется непремѣнное признаніе *свободотворческой* личной силы въ каждомъ отдѣльномъ лицѣ. Другими словами, славянофильство вводитъ въ общественную жизнь какой-либо степени, начиная съ лица отдѣльной особи и кончая соборнымъ согласіемъ церквей,—начала не западно-европейской эволюціонной и детерминистской свободы неволія, а начала свободотворческаго духовнаго произволенія или почина. Эту корен-

ную мысль славянофильства мудромѣрникамъ московской школы удалось выразить математическимъ языкомъ „числа и мѣры“ и такимъ способомъ изъ „туманнаго славянофильства“, какъ иные злословно обзывали ученіе Хомякова, оно сдѣлалось ученіемъ наиболѣе научнымъ и точнымъ для всякаго, даже при поверхностномъ взглядѣ.

Школа новой мѣромудрости, отказавшись подчиняться *образцамъ* западнаго идеализма (тезисъ+антитезисъ=синтезисъ), вноситъ дѣйствительное содержаніе въ пустыя формулы свободы и спускается съ облаковъ фантастическаго паренія на твердую землю дѣйствительности и, называя, въ свою очередь, идеализмъ „мыльнопузырствомъ“ [1]), обращается къ духовному реализму, т. е. признаетъ дѣйствительность непреложности духовной жизни. На языкѣ математики, какъ мы выше указали, школа эта примѣняетъ къ жизни не анализъ, но, отказываясь для выраженія духовности жизни отъ неопредѣленныхъ, безличныхъ алгебраическихъ условныхъ величинъ,—выражаетъ законы прерывности числовымъ явно существеннымъ мѣриломъ—*аритмологіи*, жизнь живую вливаетъ такимъ образомъ, какъ алую кровь, въ безжизненныя сухія жилы узкаго безвольнаго эволюціонизма или, какъ выражается Хомяковъ, „расклубленчества“.

Вотъ истинная задача, преслѣдуемая равно и славянофильствомъ и мѣромудростью.

Если мы пожелаемъ, для внѣшней гармоніи и красоты блеска, изобразить области вѣдѣнія славянофильской мудрости чертежно, то пришлось-бы прибѣгнуть къ всеобъемлющей картинности распредѣленія странъ свѣта, то, что называется по иноязычному *координаціей*.

Сѣверъ да Югъ; Востокъ да Западъ; Зенитъ (т. е. высь) да Надиръ (т. е. исподъ). Въ серединѣ всего—личное стояніе на мѣстѣ, выраженное нарѣчіями: здѣсь, тутъ, въ семъ мѣстѣ, откуда лицо отмѣчаетъ, что простирается; впередъ да назадъ; вправо да влѣво; вверхъ да внизъ.

Высь—Богъ, Творецъ, середина—я со своею самоличностью, исподъ—природа (свѣтъ или міръ, вселенная). На востокѣ—церковность, въ серединѣ—государственность, на западѣ—народность. На сѣверѣ научность, въ серединѣ—нравственность, на югѣ—свѣтъ и гармоничность красоты.

[1]) По слову Епископа Ѳеофана.

Дѣйствительно, Богъ Творецъ противополагается вещественной природѣ. Человѣкъ сочетаетъ въ себѣ духовное божественное начало съ матеріальнымъ, вещественнымъ. Человѣчество домостроительствуется въ духовномъ всеединствѣ церкви, что противополагается племенной народности. Государственность сочетаетъ собою и церковность и (національность) своенародность. Достоинство человѣчества обнаруживается пріобрѣтеніемъ истинной научности, что противополагается свѣту гармоничной красоты, но истинность и соразмѣрность въ достоинствѣ человѣка сочетаются его нравственностью, т. е. достиженіемъ истинной красоты личнаго достоинства. А единоличность, единодержавіе и единочеловѣчество есть лишь разныя степени личнаго въ дѣйствительной жизни. Личность въ жизни, что числовая единица въ математикѣ. Математическая основа личности есть ея единичность, цѣльность и обособленность. Семь сторонъ единоличнаго осуществленія исчерпываютъ все содержаніе славянофильства.

Вотъ такова координація всего разнообразія славянофильствовѣдѣнія, расположенная, будто-бы искусственно, въ семи сосредоточіяхъ. Такое построеніе, нами выбранное,—геометрическое или мѣстомѣрное, хотя по сути оно вмѣстѣ съ тѣмъ и числомѣрное, ибо само построеніе это едино-трично. Оно не одномѣрно-непрерывно-линейное, а наоборотъ прерывно-луче-расходящагося вида по направленію въ шесть разныхъ сторонъ, причемъ вполнѣ гармонически координаціоннаго образца, а именно то, что на языкѣ мудромѣрной школы называется *геометрически-этической координаціей* и *морально-психо-аритмологическаго строя*, и эта координація связана въ своемъ серединномъ средоточіи главенствомъ надо всѣмъ *воли* и проявленія ея *любви*, что опять показываетъ сродство мѣромудрости съ Хомяковымъ и со всѣмъ славянофильствомъ, ибо воля и любовь признаются за главныя сосредоточія обѣими школами.

Некрасовъ пишетъ (14): „Координація всякаго практическаго познанія опирается на теоретическія предпосылки. Нѣтъ познанія безъ предпосылки теоріи познанія, координирующей матеріалы знанія въ систему. Избрать хорошую теорію познанія значитъ намѣтить себѣ хорошій путь получать знанія. Возможныхъ теорій познанія—много и въ выборѣ

той или другой теоріи познанія, какъ въ выборѣ пути, играетъ роль воля, которая такимъ образомъ участвуетъ въ познавательномъ процессѣ".

Каждый лучъ имѣетъ своимъ продолженіемъ другой противоположный, каждая ось—двусторонняго направленія, какъ все, что есть на свѣтѣ; при оцѣнкѣ одно будетъ въ сторону положительную, а другое въ противоположную сторону, отрицательную. Можно было-бы думать, что существуетъ посему и два царства въ области жизни и достоинствъ ея. Эти два царства: 1) правды и закона и 2) лжи и коварства, но мы склонны и въ области жизни и поведенія людей, какъ въ самомъ пространствѣ, усматривать трехпредѣльность: 1) правды супротивъ права и кривды, 2) святости супротивъ закона и коварства, 3) истины супротивъ дѣйствительности и лжи. Полнота должна распространяться лучами отъ очага по всѣмъ тремъ сторонамъ: не безъ основанія называютъ источникъ правды—солнцемъ правды или святостью имени Отца Небеснаго.

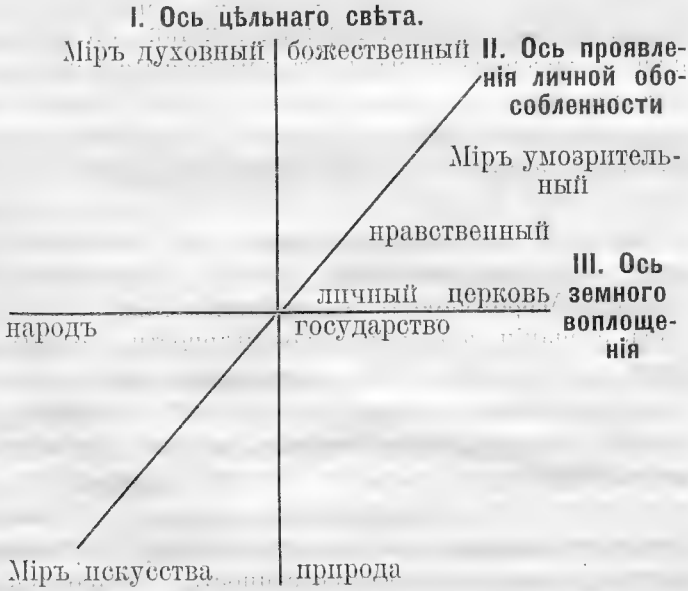
Одно стремленіе сочетать каждое понятіе въ тріединую связь есть дѣло высшаго добра, ибо приближаетъ человѣка къ Истинѣ, прославляемой въ тріединствѣ. Ложь, кривда и коварство со стороны враговъ Истины заключаются въ томъ, чтобы не допустить этого естественнаго или вѣрнѣе сверхъестественнаго сочетанія, чтобы затормазить,—добраться до ядра правды и ограничить доступъ даже разсѣяннаго свѣта, если уже никакъ нельзя лишить вполнѣ человѣка свѣта и заключить его въ полную кромѣшную тьму исподней.

Нашъ образецъ тріоснаго странно-сторонняго распредѣленія удовлетворяетъ еще и другому важному условію Хомяковскаго направленія,—это полнотѣ и изъ нея вытекающему единству и связности (общности) познанія, гдѣ, кромѣ разсудочнаго разумѣнія и личнаго сознанія, требуется еще совѣстливая вѣра. Тутъ намѣчены дѣйствительно три эти оси: 1) знанія, 2) сознанія, 3) совѣсти (вѣры). То же требованіе полноты предъявляется аритмологическою мѣромудростью.

Некрасовъ пишетъ: „Спеціальныя знанія и умѣнія, отдѣльно взятыя, суть лишь условно точныя, обнимающія лишь тотъ или другой ограниченный отдѣлъ явленій вселенной и лишь *полное* многообразіе такихъ спеціальностей.

приведенное въ координированный строй, можетъ дать гармоническое познаніе всей вселенной".

Если этимъ девяти областямъ придать координаціонный по тремъ осямъ свѣта образъ, то въ серединномъ средоточіи свяжутся отдѣлы личный, государственный и нравственный (этическій), а по сторонамъ распредѣлятся остальные шесть отдѣловъ: I по сторонамъ личнаго—міръ божественный и міръ физическій (природный), II по сторонамъ государственности—міръ церковный и народный, III по сторонамъ міра нравственнаго—міръ разумный (умозрительный) и міръ искусства.



Наша конечная задача увѣнчается полнымъ успѣхомъ, если укажемъ сходство всѣхъ этихъ частей славянофильскаго любомудрія, соотвѣтственное со всѣми частями ученія философско-математической школы. Но такая задача невыполнима въ краткой статьѣ; поневолѣ ограничиваемся лишь нѣкоторыми отдѣльными частями и общимъ сходствомъ въ цѣльномъ построеніи того и другого.

Изъ всѣхъ девяти помѣченныхъ областей или отдѣловъ разсмотримъ поближе лишь серединную совокупность личнаго, общественнаго (нравственнаго) и государственнаго устроенія. Вопросы этихъ отдѣловъ наиболѣе разработаны

послѣдователями аритмологической школы и наиболѣе срединные въ ученіи славянофиловъ, а потому косвенно задѣнутъ и остальныя шесть сторонъ всей полноты. Такъ что изъ разсмотрѣнія срединнаго отдѣла можно будетъ судить и объ обоихъ ученіяхъ въ значительной долѣ полноты, чѣмъ отчасти выполнимъ намѣченную нами задачу.

§ 6. Мѣрность въ мудрости.

По всему изслѣдованію проходитъ общая мысль: учесть силы психической воли мѣрою психическою въ согласіи и соприсутствіи съ мѣрою естественною, природною (механическою). Начала числа и порядка сочетано съ началами обобщенія и обоснованія: мѣрность и мудрость соузничаютъ между собою и образуютъ новое сложное понятіе *„мудрой мѣрности“* (мудромѣрность и мѣрномудрость). Эта новая сложная сила познанія основывается на общественномъ сознаніи на общественномъ разумѣ, на общественной волѣ, и есть то, что славянофилы называютъ „соборною совѣстью“. Это Хомяковское наименованіе, замѣтимъ мы кстати, принято Некрасовымъ безъ измѣненія. Мѣромудрость основывается также на самодержавномъ сознаніи *народа*, на закономѣрности свободы народной воли, то, что называется народнымъ *произволеніемъ* (мнѣніемъ) въ отличіе отъ незакономѣрной соборной воли своевластія, называемой *произволомъ*, каковъ произволъ случайнаго большинства голосовъ случайно выбранныхъ представителей въ олигархическихъ конституціяхъ. Выраженіе „психо-аритмо-механичность“ переводимо на русскій языкъ реченіемъ: „духовно-лично-естественность“. Мудромѣрная школа требуетъ признанія, кромѣ обыкновенной логики сужденія, еще психо-аритмологической логики факта (дѣятельности), иначе—аристологики всеобщей, міровой.

Все ученіе проникнуто убѣжденіемъ, что всякое явленіе духовно-разумныхъ существъ носитъ въ себѣ велѣнія свободной воли человѣка, которыя опредѣляютъ измѣненія хода событій, и это вмѣшательство творческаго произволенія личности должно быть математически учтено и измѣрено, и на помощь приходитъ теорія вѣроятностей и теорія чиселъ изъ ариѳметики.

Ключъ сего ученія, какъ и славянофильства,—въ по-

ниманіи того, что *свободная воля можетъ дѣйствовать, не теряя своей свободы, и тогда, когда она подчиняется закономѣрнымъ стѣсненіямъ.* Это понятіе свободной необходимости подчинить тѣло или душу нормамъ, обозначается словомъ *„духовная свобода“* въ отличіе отъ свободы *нецессаріанизма* (по прозванію Хомякова) или, какъ теперь называютъ, *детерминизма*, т. е. проще говоря, связанной свободы, свободы душевной (а не духовной, не связанной, самосвободной). Профессоръ Некрасовъ прямо указываетъ, что славянофильское ученіе глубоко проникнуто страстнымъ желаніемъ научно-философскаго обоснованія нравственнаго міросозерцанія, которое заложено въ религіозныхъ вѣрованіяхъ русскаго народа; оно требовало *духовной свободы.* (Философія и Логика науки. П. А. Некрасовъ стр. 127).

§ 7. Свободная воля по славянофильству и по ученію Московской школы.

П. А. Некрасовъ свободную волю принимаетъ, какъ за особую психическую силу, слагающуюся изъ всѣхъ душевныхъ силъ (сердечныхъ и умственныхъ), какъ ихъ равнодѣйствующую и дающую внѣшнему физическому *импульсу (толчку)* направленіе по ея выбору.

Опредѣленіе по Хомякову точнѣе и ближе къ дѣйствительности, но по сути все-же однородно съ опредѣленіемъ Некрасова. Къ тому-же свобода воли не есть лишь душевная, но и духовная сила, и мы объ этомъ поведемъ сейчасъ рѣчь. „Сила есть законъ измѣненія явленій, не формулы только измѣненія, а дѣйствительнаго начала измѣненія явленій“. „Воля, пишетъ Хомяковъ, не понимается человѣкомъ извнѣ. Въ себѣ, а не внѣ себя, добылъ онъ ее, какъ понятіе о самомъ разумѣ. Міръ внѣшній не училъ его такому понятію“.

Міръ внѣшній не представлялъ для него ни основъ, ни данныхъ. Цѣлыя категоріи мыслей зависятъ отъ него и не могли-бы вовсе существовать безъ его существованія, а его существованіе ничѣмъ не объяснимо. Все движется по закону причинъ и слѣдствія; все одинаково покорно необходимости. Свобода можетъ являться только относительною, т. е. въ отношеніи къ одной какой-либо силѣ, а никакъ не

ко всѣмъ. Откуда возникло признаніе воли? Ею собственно опредѣляются границы субъективности человѣческой въ отношеніи къ объективаціи (лица къ предмету) или къ внутреннему представительству; ею для человѣка отмѣчается то, что въ немъ отъ него самого, и отдѣляется отъ того, что въ немъ не отъ него; она-же сама узнается ни изъ какого опыта, ни изъ какого явленія и не переходитъ ни въ какое явленіе. Вольнаго предмета человѣкъ не знаетъ и не вѣдаетъ, т. е. такого предмета, котораго дѣйствіе само носило-бы на себѣ признакъ воли. Свобода не можетъ, въ смыслѣ положительномъ, быть началомъ явленія, хотя мы и получили ее, какъ качество для этого начала, путемъ отрицанія. Въ свободѣ сочетаются двѣ предѣльныя мысли „все“ и „атомъ“ (вещественное „*ничто*“), обѣ принадлежатъ исключительно міру мысли, а не явленія или представленія, сочетаніе ихъ и есть свобода или возможность, а не болѣе. Содержанія нѣтъ,—математикъ выразилъ-бы это логическое понятіе формулою: $0\times\infty$, которая есть формула математической свободы, т. е. возможность всякаго количества и, слѣдовательно, отрицаніе всякаго опредѣленнаго количества, вслѣдствіе равноправности всѣхъ [1]), (Хомяковъ). Этотъ пріемъ изложенія чисто мудромѣрнаго склада московской школы. Свобода сама по себѣ пуста; самодержавіе силы—въ волѣ, оно—въ монадѣ, которая безъ оконъ и дверей, какъ изображаетъ ее Лейбницъ (Любницъ). Хомяковъ и Бугаевъ въ этихъ понятіяхъ сходятся, повторяются, дополняютъ другъ друга. Теперь спрашивается: гдѣ-же источникъ свободной воли, т. е. воли, поставленной въ возможность безпрепятственно проявиться и безпрепятственно напрячь силы, удаливъ всѣ ставленныя ему преграды. Тутъ вопросъ вступаетъ въ область психо-пневматическую (душе-духовную). Сила воли въ духѣ, а въ душѣ она уже связана съ двухъ концовъ: повелѣніемъ со стороны свободной воли духа и принужденіемъ плотскими вещественными законами. Воля, выражая духовныя стремленія, должна преодолѣть всѣ ограниченія и сопротивленія подчинивъ себѣ плотскія и вещественныя силы. Ту же мысль встрѣчаемъ мы и у Хомякова при участіи воли

[1]) Подобно сему мы изображаемъ творчество также математическою формулою 0^0, которая даетъ при изслѣдованіи замѣчательные выводы.

въ познаваніи: „Воля—это послѣднее слово для сознанія такъ же, какъ оно первое (а именно потому, что оно первое) для дѣйствительности. Воля разума, и я прибавлю—разума въ его полнотѣ, ибо измѣненіе въ явленіи есть измѣненіе въ сознаваемомъ (а не въ сознаніи), которое съ своей стороны воспринимаетъ одинаково всякій предметъ, по сознаваемый, какъ таковой". Такое сочетаніе волевыхъ стремленій въ познаніи названо Хомяковымъ *волезнаніемъ*, а въ высшемъ проявленіи—*живознаніемъ, разумѣющею волею или волящимъ умомъ*.

Мы нарочно остановились на вопросѣ свободы воли и источникѣ починной силы подольше. Это есть та *средоточенная точка (центръ)*, вокругъ которой вертится пониманіе монадологіи и предустановленная гармонія Любница свободотворческаго почина духа славянофиловъ и свободная воля, какъ особая психическая (вѣрнѣе пневматическая) сила Некрасова и Бугаева. Если *основаніе* ученія есть свободотворческая воля, то оглавокъ будетъ непремѣнно *верховное совершенство*, пути къ которому указаны христіанствомъ и пути коего есть сама *истина* и *любовь*. Отсюда вытекаетъ то положеніе, что Любовь—главная сила достойной жизни, какъ у славянофиловъ, такъ и въ школѣ Бугаева. Любовь и есть цѣль всякихъ домоганій Хомякова, когда онъ разсматриваетъ жизнь человѣка и всего человѣчества. Объ этомъ долго распространяться не приходится, такимъ яркимъ пламенемъ оно горитъ въ славянофильствѣ.

И что-же мы видимъ? та-же цѣль намѣчена Бугаевымъ. Онъ сравниваетъ нашъ славяно-христіанскій міръ съ міромъ классическимъ и со всѣмъ свѣтомъ и говоритъ: „Нашъ славянскій міръ примыкаетъ не только къ Греціи и Риму, не только къ индо-европейскому міру, а ко всему человѣчеству; онъ отовсюду долженъ черпать указанія для своего развитія. Наша христіанская точка зрѣнія требуетъ, чтобы человѣкъ свободно, самостоятельно, самодѣятельно стремился къ совершенству себя и другихъ. Въ словахъ Спасителя, Царствіе Божіе завоевывается силою (усиліемъ), мы должны находить основаніе для пріученія нашихъ молодыхъ поколѣній къ свободному и самодѣятельному развитію. Въ христіанскомъ мірѣ человѣкъ есть сынъ Божій, ему указывается великая цѣль—стремиться къ безконечному развитію; Богъ

для христіанъ является не завистливымъ существомъ, а Отцомъ, указывающимъ намъ на безкопечное совершенство: „Будьте совершенны, какъ Отецъ Вашъ Небесный.

Метафизическая сила, разлитая въ органической жизни, есть хотѣніе. Сила эта выбирающая, распредѣляющая и размножающая. Хотѣніе, опредѣляющее дѣйствіе по разумнымъ поводамъ и стремленіямъ, есть свободная воля. Подчиненіе свободной воли нравственному закону есть любовь, лежащая въ основѣ нравственной жизни. Дѣйствительно существующею областью нравственной дѣятельности является общество, и основы человѣческаго общества можно искать лишь въ нравственномъ союзѣ.

Въ совершенномъ обществѣ нѣтъ необходимости въ учрежденіяхъ насильственнаго явленія, какими являются войско, судъ, полиція, тюрьма, но дѣйствительность не подтверждаетъ того, чтобы такой порядокъ былъ возможенъ при настоящемъ нравственномъ и умственномъ состояніи человѣчества. Такой порядокъ вещей есть химера (вздорность), —и вся ошибка въ предпосылкахъ Руссо и другихъ защитниковъ отвлеченной свободы, мира и любви и пр. состоитъ въ предположеніи, что психика человѣчества во всѣхъ его особяхъ имѣетъ высокое совершенство, т. е. что человѣчество вступило уже въ благодатное состояніе всеобщаго внутренняго богоподчиненія, т. е. достигло святости, и что на землѣ наступило тысячелѣтіе царства Христова. Убогая утопія, если эти защитники вѣрятъ въ свои собственныя измышленія, и великая ложь и провокаторство, если сами не вѣрятъ въ свою-же собственную проповѣдь. Математическая закономѣрность въ строѣ существующей общественной жизни подтвердится опытно историческими наблюденіями и рядомъ съ неизбѣжными законами природы обнаружится и божественный порядокъ въ свободныхъ, на любви основанныхъ нравственныхъ явленіяхъ общества,—это не слѣпой произволъ схоластиковъ и не слѣпая работа механизма позитивистовъ. Таково въ краткомъ пересказѣ значеніе любви и свободной воли по установленію математико-философской школы въ изложеніи Некрасова; оно вполнѣ совпадаетъ съ ученіемъ славянофиловъ.

Такихъ сопоставленій много, но то, что нами уже разсмотрѣно, показываетъ ясно, что въ самыхъ нѣдрахъ сход-

ство этихъ двухъ направленій переходитъ иногда въ тождество. *Мудромѣрность московской школы есть этико-математическое научное выраженіе внутренней сути любомудрія и просвѣщенія славянофильства.*

§ 8. Начало примѣненія аритмологіи къ философіи положено Хомяковымъ.

Прежде, чѣмъ углубиться въ иныя подробности уклада мѣромудрости Бугаева, Алексѣева и Некрасова, укажемъ на то обстоятельство, что вся аритмологія въ зачаткѣ была продумана Хомяковымъ, такъ какъ имъ указано на ариѳметику и алгебру, какъ на различные способы мышленія, изображающіе свойства западной и восточной философіи. Это указаніе помѣщено въ одномъ подстрочномъ примѣчаніи почти вскользь, хотя совершенно опредѣленно.

„Діалектическое развитіе Кантовой школы,—выясняетъ Хомяковъ значеніе германской философіи,—не отражаетъ вполнѣ познаваемаго (объекта), ибо отражаетъ его безъ его дѣйствительности. Она не только не есть философія всецѣлаго разума, но она даже не есть философія проявленнаго (объектированнаго) разума; ее должно признать наукою діалектическаго разсудка (аналитическаго разума), и въ этомъ смыслѣ она есть великій и безсмертный памятникъ человѣческаго генія“.

А затѣмъ въ подстрочникѣ Хомяковъ прибавляетъ: „Она въ этомъ отношеніи сближается *по преимуществу съ алгеброю и съ чистою математикою вообще, въ которой законъ количественности исключаетъ всякую дѣйствительность вещественную, ибо во всякомъ приложеніи ариѳметики,* даже самомъ простомъ, одинъ изъ факторовъ (дѣятелей) принимается за чистое *проявленіе* количественнаго закона (рубль не множится на аршинъ или обратно, но на количество)“.

Этотъ примѣръ приведенъ въ отрицательной формѣ; яснѣе было бы его пересказать въ положительной формѣ, а именно: въ алгебрѣ не проявленные, не указанные и не считанные A рублей умножаются на непроявленное-же, т. е. не сосчитанное въ дѣйствительности B аршинъ, и получается произведеніе AB рублей въ видѣ отвлеченной отъ дѣйствительности формулы, т. е. образа или символа, а не самой дѣйствительности, которая обнаружится, если А и В будутъ замѣ-

нены дѣйствительными величинами. Въ ариѳметикѣ умноженіе рублей на аршины требуетъ, чтобы одна изъ двухъ величинъ была-бы дѣйствительно существующая. Такъ оно и есть на самомъ дѣлѣ. На вопросъ, сколько стоитъ кусокъ матеріи въ 5 аршинъ по 5 рублей, 5 рублей умножаются, т. е. рубли повторяются, отсчитываются пять разъ, и получается 5 пятирублевокъ, уплачиваемыхъ при покупкѣ кредитками государственнаго банка. Здѣсь не символъ или формула, а дѣйствительность.

„Впрочемъ, продолжаетъ Хомяковъ свою подстрочную выноску, тоже самое замѣтимъ мы и во всякомъ опредѣленіи, вслѣдствіе его отрицательнаго характера“. Нужно понять, что тутъ Хомяковъ говоритъ о всякомъ опредѣленіи германской философіи, что подтверждается сопоставленіемъ, слѣдующимъ непосредственно за этими словами. „Мы (будто пропущены слова *же иначе*) понимаемъ, что никакой законъ *частный* не можетъ *проявляться самъ собою*, внѣ сущаго или данной (напримѣръ, кругъ внѣ размѣра); но нымъ (т. е. германцамъ) кажется, что все сочетаніе частныхъ законовъ, законъ въ своей общности, можетъ проявиться самъ изъ себя. Они (т. е. германцы) не понимаютъ, что *отношеніе* остается то же (существуетъ также) между закономъ и проявленіемъ. Они (законъ и проявленіе) обусловлены **сущимъ** (началомъ личнымъ), изъ *котораго возникаетъ данная, износящая съ собою свой законъ*“. Вотъ эта мимоходная мысль и есть вся сущность, т. е. зерно или ядро мѣромудрости московской школы. *Сущее, изъ котораго возникаетъ данная, износящая съ собою законъ*, и есть то личное аритмологическое начало, которое такъ ярко учитывается мѣрностью любомудрія Бугаева.

§ 9. Взаимныя отношенія цѣломудрости славянофильства и мѣромудрости.

Мы скажемъ, не боясь обвиненія въ преувеличеніи, что вся Московская новая математическо-философская школа есть развитіе этой глубокой мысли Хомякова, и посколько она охватываетъ часть славянофильства, постолько охватываетъ ее и мудромѣрность Бугаевскаго направленія; а посколько она не объемлетъ полноты славянофильства, находясь вну-

три его объема, постольку-же аритмологія входитъ въ составъ славянофильскаго любомудрія. Школа Бугаева такъ же относится къ славянофильству, какъ теорія къ жизни, какъ формула къ проявленію, какъ алгебраическое дѣйствіе къ частному ариѳметическому примѣру. Тѣмъ не менѣе школа Бугаева тѣсно связана съ любомудріемъ славянофильскимъ и вмѣстѣ съ нимъ входитъ не въ славянофильство, какъ ученіе, а въ славянофильство, какъ жизненное историческое явленіе, точно такъ же, какъ алгебра и ариѳметика тѣсно между собою связаны и входятъ, какъ члены, въ математику. Бугаевская школа выработала математическую *формулу (выраженіе)* и научные символы положеніямъ славянофильскаго ученія. Славянофильство дало опредѣленія основнымъ понятіямъ, а мудромѣрность даетъ математическія выраженія.

Основа новой школы и ея логической формы сужденія—*психо-аритмо-механическая суть*. Она состоитъ изъ числовой мѣры двухъ родовъ явленій: 1) психической самопроизвольной и 2) механической непроизвольной, т. е. подчиненной законамъ явленія согласно его природѣ. Всякая механическая *явь* [1]) можетъ быть выражена математическимъ знакомъ. Спрашивается, почему въ психической области не учитать также мѣрою и не выразить математическимъ символомъ, какъ учитываютъ явленія и законы физики, химіи, астрономіи и всякой точной науки?

Это именно и дѣлаетъ московская школа: психическія силы она считаетъ доступными мѣрѣ (закономѣрности) въ зависимости (функція) отъ независимой силы воли, т. е. въ зависимости отъ личной или „*соборной свободной воли*“ (руководящейся тѣми или другими начальными силами, починными поводами и направленными на свободно-выбранныя цѣли). Соборная же свободная воля въ предѣлѣ безотносительномъ (абсолютномъ) есть воля Творца, Отца Промыслителя, Бога Живаго. Его Воля въ проявленіи есть *творчество* и это понятіе творчества на основаніи мудромѣрной московской школы должно быть познано не аналитически дробно, а синтетически аритмологическимъ выраженіемъ. Попытаемся вывести и изобразить математическими знаками и числами

[1]) Явь есть мыслимое явленіе или явленіе, воспроизведенное мысленно,—явленіе въ разсудочномъ отвлеченіи.

существенность творческаго почина: его свободу, его свойства и составность и взаимную связность первоначала при образованіи новаго изъ ничего во все время тайнаго образованія животворящаго проявленія. Такое изображеніе починнаго нововозникновенія (новообразованія) для насъ необходимо тѣмъ, что оно дастъ математически опредѣленное пониманіе правильнаго почитанія и прославленія начала началъ, основы основъ, почина всякаго почина, т. е. творчества безотносительнаго, творчества Первоначала, Творчества тайнообразующаго и животворящаго.

Тутъ не слѣдуетъ смѣшивать два понятія „*творчество*“ и „*созидательство*“, къ изученію конхъ мы и приступаемъ.

Глава III. Примѣры аритмологическаго изображенія философскихъ понятій и явленій общественной жизни.

§ 10. Полнота понятія о творчествѣ, выраженная числовыми знаками (аритмологически) и представленная наглядно пространственнымъ построеніемъ.

„Яко изъ Того и Тѣмъ и въ Немъ всяческая“.

Рим. 11, 36.

Логическое опредѣленіе творчества, въ отличіе отъ понятія созидательства, слѣдующее:

Творчество есть тайное новообразованіе изъ ничего, непосредственно въ силу своего-же творческаго почина, не выходя изъ собственной первоначальной области нововозникновенія. Творчество безусловно свободно отъ всего, когда производитъ или порождаетъ всяческую новизну, изъ себя собственными своими силами.

Когда *ничего* предѣльно и безотносительно, то и творчество будетъ предѣльно (абсолютно) и, въ семъ случаѣ оно божеской силы, божескаго всемогущества. Творчество человѣка есть возникновеніе въ немъ чего-либо совершенно новаго или проявленіе изъ небытія собственными своими силами, да притомъ внутри собственнаго своего творческаго дара. Такое начальное ничто не будетъ всепредѣльнымъ въ

людяхъ, а напротивъ, предѣльнымъ по отношенію собственно людскихъ силъ.

„Человѣкъ—тварь разумно-свободная,—долженъ самъ сознать свою цѣль, познать путь, ведущій къ ней, и свободно опредѣлить себя, идти самъ путемъ, чтобы достигнуть цѣли и осуществить свое назначеніе“. (Еп. Ѳ. Нач. Хр. ж. стр. 38).

Таковы требованія людского новообразованія человѣческой творческой созидательности. Такая сила не душевнаго, а духовнаго свойства.

Итакъ, творчество есть духовный даръ или сила производить нѣчто изъ ничего. Творчество существеннымъ образомъ отличается отъ созидательства тѣмъ, что въ творчествѣ образуется новое изъ ничего, а въ созидательствѣ воспроизводится изъ чего-либо существующаго.

Тутъ нужно отчетливо различать предметы творчества.

1) Если предметъ нововозникновенія есть само вещество, то такое творчество будетъ боготвореніемъ, и оно не доступно человѣку, ибо ему творить вещество изъ ничего не дано. Сила сего творчества, воспроизводимаго однимъ словомъ или помышленіемъ,—сила божеская.

2) Но предметъ нововозникновенія можетъ быть не само вещество, а форма или образъ, воплощенный въ веществѣ и изображенный веществомъ, уже существующимъ. Такое творчество доступно всякому человѣку. Выдающіеся творцы достойныхъ образцовъ становятся славными и знаменитыми; таковы пѣвцы (поэты), ремесленники (техники), художники, игральщики (музыканты) и т. д. Подобная способность творчества всегда связана неразрывно съ созидательствомъ.

3) Но если предметъ новообразованія есть *новая мысль*, *новый укладъ* (система), *новое цѣлеустановленіе* (планъ дѣйствій), новый строй жизни и государственнаго домостроительства, которое, воспроизводится на дѣлѣ въ большинствѣ случаевъ вѣками, а не самимъ творцомъ уклада, то творчество проявится въ человѣкѣ въ чистомъ видѣ. Оно доступно исключительно одареннымъ и одухотвореннымъ людямъ, настоящимъ духотворцамъ, и ихъ даръ духовнаго происхожденія.

Первое творчество божественное. Вторая творческая способность душевнаго порядка, она самая распространенная.

Третій даръ есть исключительное одуховленіе и провидѣніе онъ—настоящее духотворство, т. е. геніальность (геній=духъ). Такое творчество для человѣка есть творчество въ собственномъ смыслѣ, т. е. сила новообразованія, дарованная человѣку, производить существенное и важное изъ ничего, такое новообразованіе всегда духовнаго свойства.

Про подобное творчество Некрасовъ въ предисловіи книги „Московская философско-математическая школа и ея основатели“ пишетъ: „Историческія и соціалфизическія закономѣрности зависятъ столько же отъ теоретическихъ активныхъ иниціативъ сознающихъ существъ, сколько отъ являемыхъ фактовъ. Теоретическія сознательныя иниціативы, *вѣчно сущія*, отличаютъ міровую психо-физіологію отъ физіологіи и физики, внося въ закономѣрность живой вселенной и ея частей особые (психоаритмологическіе) разрывы механическаго и аналитическаго процесса и порывы съ рядами предшествующихъ фактовъ. Хомяковъ положилъ въ основу двухъ теченій историческаго развитія на землѣ человѣчества эти же понятія творчества и созидательства, съ одной стороны и необходимости съ другой, установивъ для сего двойнаго историческаго хода два словообозначенія: Иранизмъ и Кушитство, каковыя понятія по выясненію проф. Завитневича, въ системѣ Хомякова имѣютъ особый смыслъ: „Иранизмъ, какъ религіозное міровоззрѣніе, есть духовное поклоненіе *свободнотворящему* духу. Кушитство—это есть признаніе вѣчной органической необходимости, производящей въ силу логическихъ неизбѣжныхъ законовъ. Свобода и необходимость составляютъ то тайное начало, около котораго въ разныхъ образахъ сосредоточиваются всѣ мысли человѣка. Въ языкѣ религіи, переводящей въ небо законы, которыми управляется видимый міръ земли и его видимый владыка-человѣкъ, свобода выражается *твореніемъ*, а необходимость *рожденіемъ*“. Такъ выясняетъ толкователь Хомякова проф. Завитневичъ на стр. 881 своего перваго тома (книга II) *Алексѣй Степановичъ Хомяковъ*. Если въ эти опредѣленія включить еще синкретическое понятіе о *созидаемости*, [1]) то человѣкъ, кромѣ свободнаго творчества и необходимости по-

[1]) По Хомякому синкретизмъ.

рожденія, обладаетъ еще и третьею силою созидательства. Новопроисхожденіе было бы троякое: 1) *творчество промыслительное самоначальное;* 2) непосредственное самовольное происхожденіе—*творчество активное;* 3) *пассивное творчество* отъ самосочетанія (сочлененія) или самоприсовокупленія, творчество отческое *рожденіемъ;* оно по почину творчески-свободное. Въ абсолютѣ, т. е. въ первопочинѣ, и происхожденіе непосредственное, и сочлененное порожденіе есть проявленіе творчества абсолютнаго. Въ пранствѣ почитается и чествуется, какъ творчество исходное, т. е. творчество пассивное, такъ и творчество отческо рождаемое, т. е. активное. Въ кушитствѣ же почитается созидательство, по необходимости рожденное и воспроизведенное изъ прежде сотвореннаго. Непосредственное творчество же, будучи заслоненнымъ созидательствомъ, вовсе не чествуется и не прославляется кушитами. Тутъ установляется два понятія новообразованія: созиданія изъ прежде сотвореннаго и *твореніе* изъ ничего. Понятіе ничто есть предѣлъ безконечно малаго и изображается въ математикѣ знакомъ „ничего“ (нуля) 0. Понятіе же „чего-либо“ и неопредѣленное „нѣчто“ принято изображать математически знакомъ отношенія ничего къ ничему $\frac{0}{0}$ или ничто, возвышенное въ степень ничего 0^0, т. е. знаками *неопредѣленности.* Но всякая неопредѣленность, будучи поставлена въ извѣстныя границы, можетъ, въ данныхъ предѣлахъ и при соблюденіи потребныхъ условій, выражать весьма точныя и опредѣленныя величины, что встрѣчается нерѣдко, напримѣръ, при рѣшеніи неопредѣленныхъ уравненій, получаются и опредѣленныя рѣшенія.

Всѣ наши разсужденія и всю нашу математическую символистику поведемъ съ цѣлыми, дѣйствительными величинами, положительными и отрицательными, оставляя безъ вниманія величины дробныя и мнимыя. Это ограниченіе, конечно, условное, но условіе это необходимо не только для простоты, но еще болѣе всего для согласованія съ понятіями философскаго опредѣленія (категоріями) кои также принимаются самыя простыя и опредѣленно цѣльныя, а не промежуточныя и не дробныя.

Творчество есть сила и условія производить изъ ничего все разнообразіе всѣхъ возможностей, самодѣйствуя,

т. е. не прибѣгая къ чужой силѣ и внѣшней помощи. Ближайшее проявленіе творческой силы есть образованіе изъ ничего собственными средствами простѣйшія первоначальныя части всего сложнаго.

Если отыскивать математическій символъ для творчества, то такой прообразъ долженъ быть начертанъ какимъ-либо дѣйствіемъ надъ 0 „ничѣмъ“, и это дѣйствіе должно произвести что-либо цѣльное и дѣйствительное. Творческое дѣйствіе въ новообразованіи не можетъ быть иное, какъ дѣйствіе увеличенія, ибо уменьшеніе „ничего“ не допускаетъ, такъ какъ начальное ничто 0 само есть предѣлъ всякаго уменьшенія, не терпящій въ творческой работѣ за предѣломъ своимъ никакого дальнѣйшаго умаленія. Аритмологическія дѣйствія увеличенія математика до сего времени признавала три: сложеніе, умноженіе и возвышеніе въ степень.

Будемъ самоскладывать, самоумножать и самовозвышать „ничто“. Ничто+ничто даетъ ничто. Значитъ самосложеніе не обнаружитъ творчества изъ ничего. Ничто, умноженное на ничто, также ничего не даетъ. Но ничто, возвышенное въ степень „ничего“, даетъ неопредѣленное нѣчто, т. е. все разнообразіе возможныхъ величинъ. Итакъ, творчество „ничего“ обнаруживается лишь высшимъ дѣйствіемъ самоувеличенія, а именно самовозвышеніемъ въ свою же собственную степень; поэтому 0^0 и будетъ символическимъ прообразомъ чистаго творчества нѣчто изъ ничего, выраженнымъ математически. *$0+0=0$; $0\times0=0$; 0^0 знакъ неопредѣленности.* Если теперь весь рядъ неопредѣленности ограничить условно, какъ установили выше, предѣлами цѣльныхъ, положительныхъ и дѣйствительныхъ величинъ, то рядъ неопредѣленности обратится въ рядъ природныхъ величинъ и $0^0=1$ $0^0=2$; $0^0=3$; $0^0=4$ и т. д. Итакъ, творчество въ символахъ математическихъ выразится происхожденіемъ единицы, двойки, тройки, четверки и т. д., самовозвышеніемъ въ степень нуля (ничего)—ничего-же, т. е. нуля-же.

Первоначальный наболѣе простой выводъ или исходъ (результатъ) отъ творческаго самодѣйствія есть единица, которая должна также принять участіе въ дальнѣйшемъ творчествѣ. Посмотримъ, обнаружитъ-ли она ту-же творческую силу самовозвышеніемъ, какъ и „ничто“. Единица, самовоз-

вышенная въ свою-же собственную степень, даетъ единицу, т. е. не обнаруживаетъ никакого творческаго вывода, ничего отъ единицы новаго не происходитъ, ибо $1^1=1$; единица осталась неизмѣнною безъ новообразованія. Та же безперемѣнность произойдетъ отъ самоумноженія $1\times1=1$. Но при простомъ самосложеніи $1+1$ получается новообразованіе$=2$. Итакъ, единица свое творчество обнаруживаетъ только при сложеніи, какъ 0 только при возвышеніи и притомъ опредѣленно, т. е. не свободно отъ предѣла. Единица скрываетъ творческія способности при умноженіи и возвышеніи, какъ 0 скрываетъ ихъ при сложеніи и умноженіи. Тутъ-то и обнаруживается совершенно ясно два рода новообразованія въ творчествѣ: происходящее отъ возвышенія и порождающееся при сложеніи или сочетаніи, присовокупляя единицу къ единицѣ. Для словеснаго выраженія этихъ двухъ родовъ новообразованія слѣдуетъ, опять условно, установить два отдѣльныя обозначенія для происхожденія самовозвышеніемъ и для порожденія самосочетаніемъ. Первое творческое дѣйствіе образуетъ „нѣчто“ непосредственно отъ начальнаго „ничто“; „нѣчто“ прямо истекаетъ или исходитъ (происходитъ) отъ „ничего“, а потому условимся и называть это творческо-дѣйство происхожденіемъ и *исхожденіемъ*. Второе же новообразованіе этой непосредственности не обнаруживаетъ, а дѣйствіе происходитъ въ нѣдрахъ „ничего“ при дѣятельномъ сочетаніи 0^0 съ такимъ 0^0, т. е. самосложеніемъ, что и порождаетъ *чету* (пару, двойку). Эту двойственность творчества естественнѣе всего назвать порожденіемъ или сокращенно *рожденіемъ*, какъ понятіе, которое наияснѣе указываетъ на свойство самого творчества сочетаніемъ самого себя съ самимъ собою производить новообразованія. Въ данномъ случаѣ слово *происхожденіе* передавало бы неправильно самое свойство сочлененія, ибо происхожденіе самодѣйственно (активно),—а тутъ проявленіе дѣйствія сосредоточено въ изначальномъ „ничто“, а не въ получаемой двойственности. Творчество порожденія пассивно. Проще сказать, исхожденіе—самодѣйствующее активное проявленіе отъ пассивнаго творящаго начала, а рожденіе есть пассивное новообразованіе отъ активнаго самодѣйствующаго проявленія самого творящаго начала.

Но „ничѣмъ“ и „единицей“ только—удовлетвориться нельзя; нужно изслѣдовать самотворную способность полученной нами четы или двойки. Двойка въ самосложеніи, т. е. 2+2 даетъ 4 и тѣмъ проявляетъ несомнѣнно свою опредѣленную творческую силу. Двойка при самоумноженіи даетъ опять 4 и, наконецъ, двойка при самовозвышеніи даетъ ту-же четверку. Это показываетъ, что сила творчества въ ней проявляется при всякомъ изъ трехъ дѣйствій, т. е. двойка творчески могуча во всѣхъ дѣйствіяхъ, но выводы ея творчества всегда одинаковы—получается одно и то же рѣшеніе, такъ что по рѣшенію судить о самой дѣятельности (т. е. есть ли оно выводъ происхожденія или порожденія),—нельзя. Творчество двойки полное, но сокровенное, неопредѣленное соотвѣтственно дѣйствію. Не то замѣчается у всѣхъ остальныхъ цѣлыхъ, начиная съ тройки: 3+3 даетъ 6; 3×3=даетъ 9 и 3 въ 3-й степени даетъ 27. И самосложеніе, и самоумноженіе, и самовозвышеніе даютъ совершенно различные выводы; тутъ впервые творчество проявляется не только въ полнотѣ, но и въ полной опредѣленности разнообразія. Троичность въ творчествѣ есть самое простое и вполнѣ явное и достаточное обнаруженіе всей полноты дѣйствія. „Ничего“ скрываетъ самое творчество въ сочетаніи и въ умноженіи. Единица скрываетъ въ умноженіи и возвышеніи. Двойка, хотя проявляетъ полноту творчества, но не указываетъ пути и способовъ его проявленія. Только *три* обнаруживаетъ весь ходъ въ полной мѣрѣ, а потому три и есть простѣйшая выразительница всѣхъ сторонъ творчества. Дальнѣйшее исканіе проявленія творчества можно прекратить, ибо разъ три выражаетъ полноту творческаго дѣйствія, остальныя величины ничего новаго не дадутъ. 4+4=8; 4×4=16; 4^4=256.

Въ этомъ рядѣ число 0, 1, 2, 3,—каждое въ отдѣльности, проявляетъ что-то новое, свойственное себѣ самому:

0—происхожденіе непосредственное 0^0=1,

1—сочетаніе четы или пары 1+1=2,

2—полноту творчества безъ опредѣленности въ соотвѣтствіи дѣйствія и вывода и безъ разнообразія,

3—полноту и опредѣленную цѣлость,—единство разнообразія,

4—новаго свойства, сверхъ обнаруженнаго тройкою, не проявляетъ.

Итакъ, въ нѣдрахъ таинодѣйствія творчества заключаются понятія о троичности, о двойственности, о единичности и ничтожествѣ, причемъ обнаруживаемое тройное дѣйствіе—собственно творчество, исходность и рождаемость —а ихъ общее единство включено въ понятіе единотроичности, что обыкновенно выражается геометрическимъ образомъ равностороннимъ треугольникомъ. Этотъ прообразъ выражаетъ пространственно и единство, и двойственность, (въ составныхъ частяхъ: углы и стороны) и троичность. „Ничто“ выражено внутренней пустотой треугольника.

Гораздо яснѣе эту троичную изначальность изображаютъ три оси координатъ или, выражаясь яснѣе, трехсторонность свѣта: Сѣверъ-Югъ, Востокъ-Западъ, Высь-Исподъ (Зенитъ-Надиръ) и ихъ срединное здѣстояніе, т. е. пересѣченіе трехъ направленій.

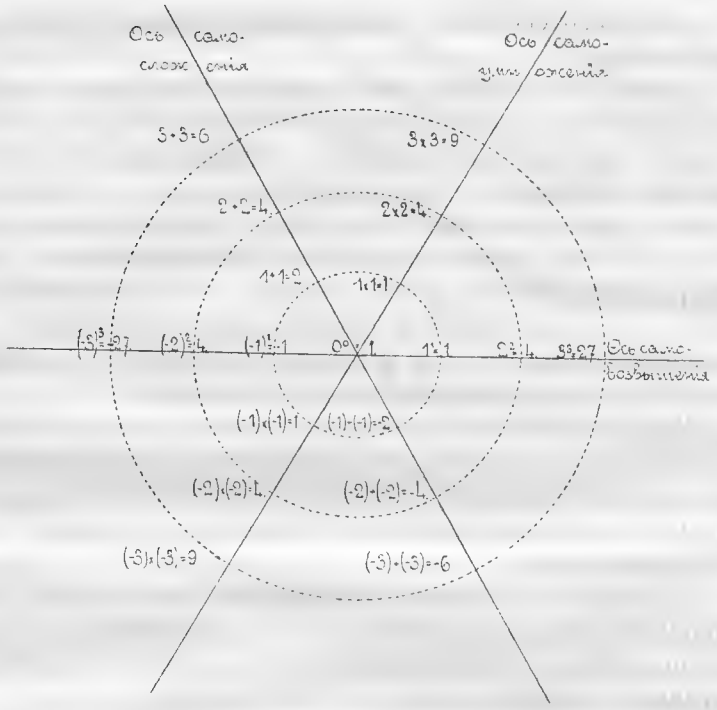
1) *Первая ось сложенія.* Сложеніемъ происходитъ рядъ природныхъ величинъ, начиная съ—∞, кончая+∞; для сего ряда переходною величиною является ничто, т. е. 0, которое заключаетъ въ себѣ знакоперемѣнность.

—∞ . . . . —n—(n-1)—(n-2) . . . . —3—2—1;—0; 0;+0; +1+2+ . . . . n+(n+1). . .

2) *Вторая ось умноженія.* Умноженіе даетъ также рядъ, но переломъ не сосредоточивается въ нулѣ+0, а распространяется на 1 и 2, ибо $1^1=1$, $1\times1=1$, $1+1=2$; тоже $2+2=4$ и $2\times2=4$. Это указываетъ на то, что 1 и 2, будучи и на оси сложенія, и на оси умноженія, не обнаруживаютъ, какой именно оси они принадлежатъ.

3) *Третья ось возвышенія въ степень.* Степень также выразится рядомъ чиселъ, причемъ въ переломѣ встрѣтятся 0, 1 и 2 и только 3-ка при всякомъ дѣйствіи обнаружитъ опредѣленно свою принадлежность къ той, а не другой оси. $(-3)^3=-27$; $(-2)^2=+4$; $(-1)^1=-1$; $(\pm0)^0=\pm1$; $(+1)^1=+1$; $(+2)^2=+4$; $(+3)^3=+27$.

Изобразимъ это расположеніе геометрически координативно.



Тутъ I—Точка тайнодѣйства нулевого творчества.

II—Кругъ внутренняго единичнаго, сочетаніе въ двойственность.

III—Двойственный кругъ внутренняго безразличія.

IV—Троичная окружность—предѣлъ внутренней сокровенности, таинообразованія и начало явнаго проявленія.

Здѣсь дается аритмо-геометрическій прообразъ полноты творчества, т. е. внутренняго сложенія, безразличнаго раздвоенія, (иначе неопредѣленной двойственности) и явнаго проявленія въ тройственности полноты новообразованія. Другими словами, въ семъ начертаніи совмѣщена полнота творческаго возникновенія при всякомъ новообразованіи.

Изъ этого координованнаго строенія видимъ ясно, что внутри творческой дѣятельности тайно дѣйствуютъ 0, 1 и 2 иначе новообразуютъ сокровенно и только на кругѣ троекъ сокровенность эта вполнѣ пропадаетъ, уступая явному обнаруженію.

Итакъ, зарожденіе всѣхъ чиселъ происходитъ въ тѣс-

ной средѣ 0, 1 и 2, а первая самостоятельная, вполнѣ развитая величина, явно проявляющаяся во всякой творческой дѣятельности, есть *три*, и она составляетъ граничный предѣлъ внутренней дѣятельности первопочиннаго тайнообразованія.

Ко всему этому можно присовокупить еще и слѣдующія замѣченныя свойства и сопоставленія творческой силы величинъ 0. 1. 2 и 3. Нуль обнаруживаетъ свое творчество исключительно высшею степенью самодѣятельности возвышеніемъ въ самостепень и обнаруживаетъ полноту свободы произволенія,—а потому и полноту неопредѣленности $0^0=$ знакъ неопредѣленности. Первоначальное-же цѣльное, положительное опредѣленное проявленіе есть *единица*. „0“ (ноль) ни одной оси творческаго наростанія не опредѣляетъ, но сосредоточиваетъ въ себѣ срединную общую точку перелома всякихъ направленій. „0“ поль и есть очагъ знакоперемѣнности тайнообразующаго начала.

Единица обнаруживаетъ свое творчество исключительно сочетаніемъ, т. е. наиболѣе простымъ начальнымъ дѣйствіемъ присовокупленія или *нарожденія*. Выводъ единственный, что дѣлаетъ его вполнѣ опредѣленнымъ. При этомъ единица точно и всецѣло обнаруживаетъ всю ось сложенія, намѣчая положительное и отрицательное его направленіе. Такъ $1+1=2$ и $(-1)+(-1)=-2$. Зато ни оси умноженія и возвышенія она не указываетъ, ибо $1\times1=1$ и $(-1)\times(-1)=+1$.

Двойка даетъ намъ полноту творчества, ибо новообразованіе происходитъ при сложеніи, умноженіи и возвышеніи, но не опредѣляетъ ни одной оси, скрывая одинаковымъ выводомъ всѣ стороны своего самодѣйства. Она даже не обнаруживаетъ ни въ положительномъ, ни въ отрицательномъ направленіи остальныхъ двухъ осей, т. е. оси умноженія и возвышенія. Направленія оси сложенія уже ранѣе указаны единицею; двойка не прибавляетъ ничего новаго въ творчествѣ, кромѣ полноты, ибо $2+2=+4$, $2\times2=+4$, $2^2=+4$, $(-2)\times(-2)=+4$, $(-2)^2=+4$.

Тройка первая обнаруживаетъ всѣ три оси, изъ коихъ уже ось сложенія была опредѣлена ранѣе единицею. Значитъ она впервые выдвинула опредѣленно оси умноженія $3\times3=9$ и возвышенія $3^3=27$, причемъ на оси возвышенія от-

мѣчаетъ, какъ положительную, такъ и отрицательную ея сторону $(-3)^3=-27$.

Три оси творческаго новообразованія вырисуются вполнѣ опредѣленно, если свести всѣ проявленія всѣхъ четырехъ дѣятелей 0. 1. 2. 3, и ихъ положительную и отрицательную стороны за исключеніемъ + и — направленія оси умноженія.

0—даетъ точку пересѣченія всѣхъ осей, начало началъ и обнаруживаетъ возвышеніе или исхожденіе, будучи выразительницей полноты свободы и неопредѣленности.

1—даетъ всю ось сложенія съ ея + и — направленіями.

2—даетъ полноту новообразованія, скрывая все остальное;

3—даетъ ось умноженія, безъ указанія ея положительнаго и отрицательнаго направленія, и ось возвышенія съ указаніемъ и положительной, и отрицательной сторонъ, и дѣйствительно:

$(-1)\times(-1)=+1 \quad (-1)^1=-1$
$(-2)\times(-2)=+4 \quad (-2)^2=+4$
$(-3)\times(-3)=+9 \quad (-3)^3=-27.$

Общій сводъ всѣхъ тройческихъ дѣйствій новообразованія самодѣйствіемъ 0, 1, 2 и 3-ки внутри единотройности изобразимъ въ слѣдующемъ рядѣ равенствъ.

$0+0=0$
$0\times0=0$
0^0=неопредѣленность, свобода творчества.
$1+1=2 \quad (-1)+(-1)=-2$ опредѣленная новорождаемость
$1\times1=1 \quad (-1)\times(-1)=+1$
$1^1=1 \quad (-1)^1=-1.$ выраженіе неизмѣнности $(\pm1)^1=\pm1.$

$2+2=4 \quad (-2)+(-2)=-4$
$2\times2=4 \quad (-2)\times(-2)=+4$ } полнота творческаго проявленія безъ обнаруженія оцѣнки свойствъ творчества
$2^2=4 \quad (-2)^2=+4$

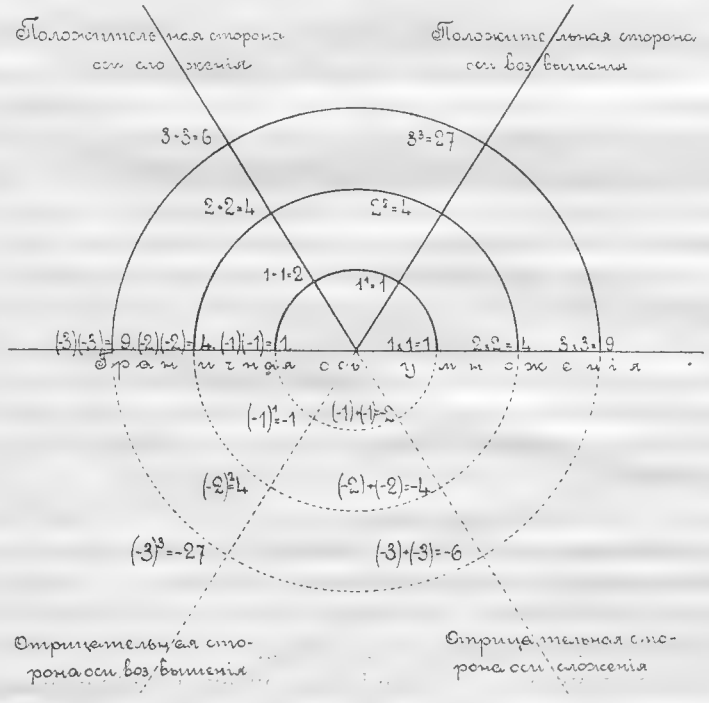
$3+3=+6 \quad (-3)+(-3)=-6$
$3\times3=+9 \quad (-3)\times(-3)=+9$ } полнота обнаруженія творчества со всѣхъ сторонъ, за исключен. отрицательнаго направленія умноженія.
$3^3=+27 \quad (-3)^3=-27$

Итакъ, какъ единица выражаетъ полноту оси сложенія, такъ 3—полноту оси возвышенія. Отрицательная часть оси умноженія вовсе не обнаружится.

То, что направленіе отрицательной части умноженія не опредѣляется ни при одномъ самодѣйствіи начальныхъ трехъ величинъ 1. 2. 3, и вообще ось умноженія не обнаруживается

самодѣйствіемъ исключительно одного числа, какъ ось сложенія—единицею, а ось возвышенія—нулемъ, показываетъ, что въ творчествѣ существуетъ лишь двѣ внутреннихъ разновидности новообразованія,—сочетаніе, которое соотвѣтствуетъ оси сложенія и непосредственнаго происхожденія, которое даетъ ось возвышенія. Третьяго творческаго саморазвитія по оси умноженія въ полнотѣ не проявляется. Это будто мертвая черта, срединная граничная зона между порожденіемъ и исхожденіемъ, отрицаніе возможности непосредственнаго взаимодѣйствія рожденія и исхожденія.

Изображеніе опредѣленія отрицательныхъ частей:

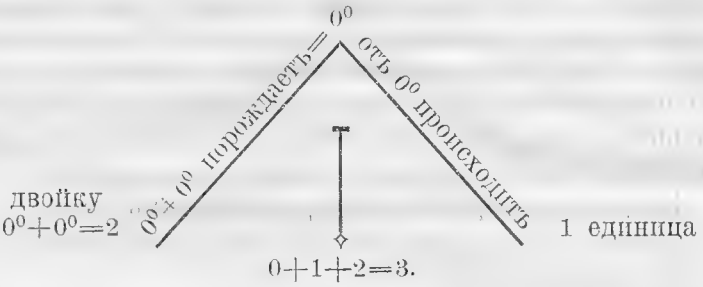


Выпишемъ подрядъ всѣ здѣсь полученныя числа:

0,+1, (—1),+2, (—2),+4, (—4),+6, (—6)+9+27, (—27). Въ этомъ рядѣ выводовъ, которымъ мы судимъ: какое дѣйствіе опредѣляетъ ту или другую ось или сторону оси, всѣ числа оказались попарно со знаками + и —, за исключеніемъ 0 и 9. Ось умноженія какъ бы нейтральная, срединная черта между положительными и отрицательными величинами, такъ и 0—

есть срединная нейтральная точка, отъ которой въ обѣ стороны начинаются взаимопротивоположныя проявленія.

Можно соотношеніе между 0, 1 и 2 изобразить графически еще иначе:



Это будетъ чертежный обликъ единотроичнаго творческаго начала, сосуществующаго вмѣстѣ съ непосредственнымъ происхожденіемъ единоличной обособленности и съ сочетаніемъ двойного начала въ двойственную чету. Единичность происходитъ очевидно самостоятельно и дѣятельно отъ творческаго изначала, а не можетъ въ области творчества произойти отъ порожденной двойственности, такъ какъ ни дѣленіе, ни раздробленіе дѣйствіемъ творческимъ не почитаются, а единица изъ 2-ки иначе, какъ вычитаніемъ цѣлаго числа и дѣленіемъ на цѣлое, произойти взаимодѣйствіемъ цѣлыхъ чиселъ не можетъ. Основа вообще восточнаго вѣдѣнія всецѣлаго совершенно не зависитъ отъ дуализма западнаго мышленія, ибо новообразованія исхожденіемъ по внутреннему значенію отъ рожденія не происходитъ.

Для болѣе легкаго и подробнаго усвоенія этихъ математико-философскихъ представленій творческой дѣятельности позволяемъ себѣ присовокупить еще и слѣдующія замѣчанія и даже отчасти и повторенія.

Въ срединномъ средоточіи творческой таинообразующей и животворящей области должны сплетаться три численныхъ понятія: изначальности, единства и двойственности, а на рубежѣ къ проявленному творчеству понятіе единотроичности.

Изначальность выражается символически нулемъ, единство—единицею,

двойство и двойственность—двойкою,

а троичность—тройкою.

Изначальное ничто (нуль) проявляется въ нѣчто, т. е. неопредѣленность дѣйствіемъ—самовозвышеніемъ или, какъ мы бы хотѣли назвать новымъ словомъ,—*степененіемъ*, и дѣйствительно, 0^0 есть математически символъ неопредѣленности (то же, что отношеніе $\frac{0}{0}$. Это *нѣчто* 0^0 уже не *ничто*. Если же потребуется его опредѣлить, т. е. сдѣлать изъ неопредѣленности опредѣленнымъ, то это значитъ требуется вывести его математически изъ области творящаго изначала въ область сотвореннаго проявленія. Пока мы изъ области тайнотворческаго изначала не намѣреваемся выступать. Въ такомъ случаѣ мы должны ограничиться понятіями единства и двойства или парности, брачности, двуестества, то, что называемъ словомъ *„чета“*, и далѣе не выходить.

Единство и „чета“ (въ математикѣ они соотвѣтствуютъ единицѣ и двойкѣ)—вотъ основа творческаго проявленія, причемъ дѣйствіе удвоенія обыкновенно называется *„сочетаніемъ“* (въ бракѣ—брачное сочетаніе).

Теперь разсмотримъ, какъ могла образоваться единичность изъ изначальности. Изначало 0^0 или нѣчто есть неопредѣленность, и въ ряду всѣхъ понятій этой неопредѣленности первое и самое простое цѣльное понятіе—есть понятіе единства. Вотъ и слѣдуетъ найти то дѣйствіе, которое указало бы, что единица дѣйствительно можетъ проявиться изъ нуля. Единица изъ нуля, дѣйствующаго самое на себя, иначе не проявится, какъ при возвышеніи нуля въ нулевую степень (иначе говоря отысканіемъ знаменателя отношенія нуля къ нулю). Въ томъ и другомъ случаѣ получается единица, хотя не исключительно. Наряду всякихъ неопредѣленныхъ „нѣчто“ единица самая естественная и простая величина, притомъ новообразованіе выступитъ изъ своей неопредѣленности и становится вполнѣ обособленнымъ, ибо всякое иное количество окромѣ нуля возведенное въ нулевую степень, непремѣнно дастъ только единицу и не дастъ никакого другаго вывода и аналогично 0^0 также дастъ 1.

Итакъ, признавая въ единичности, или иначе въ личности, самодѣятельность, мы должны признать, что она иначе не могла произойти активно изъ изначала, какъ отъ свободнотворческаго начала 0^0; оно неопредѣленно и—неопредѣленно потому, что оно творчески-свободно. Не будь этой неопредѣленности, происхожденіе единицы отъ нуля было бы

неизбѣжно, а что неизбѣжно и необходимо, то не свободно-творческое.

Единица происходитъ отъ 0 при ея творческомъ самовоздѣйствіи самовозвышеніемъ или степенеміемъ, но это еще не единственное объясненіе, ибо $\frac{0}{0}$ даетъ также 1—единицу по тому простому правилу, что знаменатель отношенія числа къ самому себѣ всегда единица. Единица есть самый простой математическій прообразъ личности или особи въ самоопредѣленіи (въ самосоотношеніи). Теперь, спрашивается, какъ произошла „чета“ изъ проявляющейся изначальности? Чета не могла породиться иначе, какъ при совокупности двухъ проявляющихся личностей, т. е. при сосложеніи двухъ зарождающихся изъ 0 единицъ. Это сосложеніе своею дѣятельностью происходитъ въ самой изначальности тайнообразованія. Въ изначалѣ что-то происходитъ по собственному творческому почину, и тогда порождается двойкость четы, не такъ, какъ единичность произошла самостоятельно и непосредственно, изъ тайны изначальнаго творчества. Творческое начало должно было сосложиться, присовокупиться съ самимъ собою, чтобы породить двойственность или чету. Это символически выражается сложеніемъ $0^0+0^0=2$, ибо $0^0=1$, $0^0=1$, $1+1=2$, т. е. въ дѣйствіи проявляемости, но не проявленности. Полная проявленность произойдетъ, когда изначальное ничто вмѣстѣ съ проявляющимся опредѣленнымъ начальнымъ „нѣчто“ или единицею, исходящею отъ ничто и проявляющеюся совокупностью двухъ такихъ опредѣленныхъ нѣчто по производительству самаго начальнаго, обнаружится въ тройственности, и дѣйствительно $0+1+2$ дадутъ три. Для большей убѣдительности о полнотѣ тройственнаго почина слѣдуетъ замѣтить: когда именно это обнаруженіе проявится полностью? Когда этой полноты не будетъ, нужно признать творимостью, а не сотворенностью; тутъ проявится тайное возникновеніе новообразованія, а не оконченное проявленное новое. Эти частные случаи длительности творческаго новообразованія будутъ какъ бы въ срединномъ переломѣ отъ внутренняго тайнодѣйствія къ явному проявленію сего творчества извнутри вовнѣ.

Для вѣрнаго опредѣленія, что должно помѣстить на перекресткѣ сложенія (рожденія), умноженія (самотворенія) и возвышенія (исхожденія), слѣдуетъ опредѣлить, съ какого

числа пропадаетъ безразличіе при примѣненіи четырехъ дѣйствій: сложенія, умноженія, возвышенія, степененія.

Въ сложеніи переломъ въ нулѣ.

Умноженіе также переламывается въ нулѣ, ибо $0\times0=0$.

Возвышеніе переламывается въ единицѣ, ибо $0^0=1$. Т. е., кромѣ нуля, въ пересѣченіи должна быть еще и единица.

Въ степененіи (возвышеніе числа въ собственную степень) мы получаемъ подстепенное количество=остепенному при 0, 1 и 2. 0 въ степени нуля получается 1 (примемъ=1); 1 въ степени 1 даетъ *единицу;* два въ степени 2 даетъ *четыре,* совершенно такъ же, какъ $2+2$ и 2×2, т. е. $2^2=4$. Посему въ перекресткѣ должно помѣститься еще и *два*, которое не обнаруживаетъ полноту своихъ внутреннихъ свойствъ при всѣхъ четырехъ дѣйствіяхъ. Только *три* при самосложеніи даетъ 6, при самоумноженіи даетъ 9, при самовозведеніи даетъ 27, что повторится въ 4, 5 и т. д. до ∞, $4+4=8$, $4\times4=16$, $4^4=256$.

Итакъ, внутри перекрестка у насъ останутся 0, 1 и 2. Отъ 0 производится единица самовозвышеніемъ 0^0. Единица, складываясь съ самой собою, даетъ эволюціонное 2. Единица же, исходя отъ 0^0, не можетъ исходить отъ 2-хъ, но 2 происходитъ (рождается) изъ 0^0, проявляя естественную двойственность.

Проявиться значитъ *раздвоиться*, а суть соборности, т. е. вѣчнаго сплоченія и союза—*единотроичность*..

Эти выраженія математизаціи философскихъ понятій имѣютъ, какъ мы указали, прообразомъ представленіе понятій жизни математическимъ выраженіемъ Хомякова, примѣненнымъ къ свободѣ. Хомяковъ выражаетъ свободу произведеніемъ $0\times\infty$. Точно также творчество, т. е. образованіе особей и личнаго и отдѣльнаго изъ ничего весьма логически изображается двумя 0-ми, а именно, самовозвышеніемъ 0^0. Такимъ же образомъ рождаемость по своей сути двойственнаго свойства, ибо рождаемость обусловливаетъ двоїную природу и требуетъ участія четы, а потому числомъ изображается скорѣе всего уравненіемъ $0^0+0^0=2$; а исходимость есть обнаруженіе сути отъ первоисходной таїной начало-причины, другими словами существенное выраженіе скрытаго вѣчнаго начала творчества, что и обнаруживается въ единицѣ уравненія $0^0=1$.

Итакъ:

Творчество отческое, исходность духовная и рожденность сыновная, вмѣстѣ взятыя, какъ совокупная нераздѣльность починнаго новообразованія и несліянная отчетливость, т. е. творчество цѣлокупности, производимое по слову и по совѣту упостасей единотроичной единосущности, можетъ быть опредѣлено, какъ *сотворчество*, ибо Богъ въ трехъ лицахъ поклоняемый, *сотворилъ все изъ ничего* въ Совѣтѣ своемъ. *Сотворчество* вмѣщаетъ такимъ образомъ въ себѣ нераздѣльно и несліянно таинообразующую и животворящую силу новобытія.

Творчество есть переходъ отъ изначальной непроявленной возможности къ проявленной и опредѣленной дѣйствительности; а сама жизнь есть проявленіе сего творчества. Богъ Живый, ибо творящій.

0^0 обозначаетъ полную свободу всякой, а потому совершенно неопредѣленной возможности, всякое количественное понятіе отъ 0 до ∞ включительно, не вѣдая даже конца этой безконечности. Вотъ причина, почему Хомяковъ изобразилъ эту свободу *произведеніемъ* (т. е. тѣмъ, что производится и происходитъ) $\infty\times0$ [1]) безконечности на нуля: произ-

[1]) Вотъ какъ объясняетъ самъ Хомяковъ свою формулу: „$\infty\times0$ есть формула математической свободы, пишетъ онъ, она есть возможность всякаго количества, и слѣдовательно (помимо внѣшняго опредѣленія) отрицаніе всякаго опредѣленнаго количества, вслѣдствіе равноправности всѣхъ“. (I стр. 340).

веденіе начиная съ „ничего“ до безконечности. Единица же, самопроисшедшая отъ нуля, есть наиболѣе простое начальное выраженіе опредѣленности, и при этомъ она изображаетъ, кромѣ простоты и цѣльности, еще и полноту, т. е. единоличную числовую цѣлокупность. Говорю цѣлокупность потому, что эта единица состоитъ изъ собора или сплоченнаго соуза (синтеза) безконечнаго множества частей и дробностей (0, 999999 . . . . . до безконечности=1).

Какъ *единица* есть проявленіе вполнѣ опредѣленной самоцѣльности, такъ и *два* есть сочетаніе вполнѣ опредѣленной *четы* (пары), но не опредѣленной полноты, такъ что творческая свободная неопредѣленность 0^0 обнаруживаетъ два раза вполнѣ самостоятельнымъ дѣйствомъ (пріемомъ или способомъ) совершенную опредѣленность. Другими словами, переходъ отъ неопредѣленной гадательной возможности къ установленной дѣйствительности вполнѣ досовершается въ 1 и 2-кѣ; но ни 0, ни 1, ни 2-ка не даютъ точно и явно распознать сразу всѣ три свойства (ступени или степени) творческаго обнаруженія, а именно не указываютъ одновременно на ось самопсхожденія, самосочетанія и самоумноженія. Такъ 0 скрываетъ сочетаніе (сложеніе) и умноженіе. Единица скрываетъ при самовоздѣйствіи умноженіе и возвышеніе, и, наконецъ, 2-ка, наиболѣе двоедушная и двуличная, скрываетъ всѣ три дѣйства внутренняго новообразованія, ибо даетъ одинъ и тотъ же плодъ (выводъ) при самосложеніи, самоумноженіи и самовозвышеніи (степененіи). Только начиная съ троицы явно и ярко обнаруживается внутреннее творчество исходнаго, рождаемаго и возвышаемаго свойства, и притомъ это творчество проявляется въ совершенной полнотѣ. Число три—наипростѣйшій, начальный и коренной прообразъ полноты обнаруженія творчества въ самодѣйствіи. Лишь начиная съ тройки обнаруживается при самоумноженіи и при возвышеніи въ самостепень положительность или отрицательность выводовъ, ибо

$(+1)\times(+1)=+1$ $(-1)\times(-1)=+1$ $(-2)\times(-2)=+4$ $(+2)\times(+2)=4$,
$1^1=1$ и $(-1)^1=-1$, $2^2=+4$ и $(-2)^2=+4$, но $(+3)^3=+27$, а
$(-3)^3=-27$. Въ послѣднемъ случаѣ отрицательность куба троичности открылась вполнѣ; между тѣмъ квадратъ двойственности, по свойству этой двойственности скрывать и затаи-

вать внутреннюю свою работу порожденія, положительность и отрицательность вывода не обнаруживаетъ.

Еще достойно примѣчанія другое свойство двойственности. Мы показали, что полнота единицы въ творческомъ дѣлѣ отъ двойственности не происходитъ. Хотя единица отъ 2-ки можетъ произойти, но не въ творческомъ новообразованіи, а раздѣленіемъ, разложеніемъ, раздробленіемъ, т. е. говоря иноязычно, *анализомъ*. И дѣйствительно, двойка при самораздѣленіи, т. е. при дѣленіи на 2, даетъ единицу $\frac{2}{2}=1$. Но при самовычитаніи она исчезаетъ по общему свойству самоуничтоженія 2—2=0. Лишь „ничего“ при самовычитаніи не исчезаетъ, ибо, вычитая 0—0, получимъ опять его же, т. е. „*ничего*“ 0—0=0. И вотъ это разложеніе, раздѣленіе, раздробленіе свойственно западноевропейской дуалистической и эволюціонной цивилизаціи, ибо по умозрѣнію она почти исключительно *аналитична и филіоквистически-двойственна*. Филіоквизмъ есть низведеніе тройственности въ двойственность, ибо изъ трехъ лицъ троицы въ ихъ сосуществованіи—филіоквизмъ пытается синтезировать два, дабы произошло третье въ окончательномъ синтезѣ, иными словами исходность единства изъ начальнаго дуализма [1]).

Вотъ полное раскрытіе понятія троичности въ творчествѣ и математическая, вѣрнѣе аритмологическая зависимость животворящаго дѣйства таинообразованія исходностью и рождаемостью. Этотъ примѣръ достаточенъ, чтобы убѣдиться въ возможности выразить философское понятіе числовыми соотношеніями. Подобно сему раскрываются понятія о безконечности и предѣльности въ цѣледостиженіяхъ и выражаются также математически координатнымъ способомъ. Тутъ не прибѣгаютъ къ начальнымъ аритмологическимъ понятіямъ нуля, единицы, 2-ки и 3-ки, какъ потребовалось для изображенія починнаго творчества, а приходится примѣнить перемѣнныя понятія противоположнаго предѣла. Но раскрытіе понятія безконечной предѣльности, какъ ни заманчиво, отвлекло бы насъ слишкомъ далеко отъ прямой задачи нашего изслѣдованія. Вполнѣ достаточно допустить по анало-

[1]) Эта мысль разсмотрѣна подробно въ статьѣ нашей „Владиміръ Соловьевъ. Россія и всемірная церковь Парижъ 1889“. Второе изданіе Харьковъ 1907 таблица на стр. 20 и 21 и слѣдующія.

гіи, что предѣльность безконечнаго также доступна выраженію мета-геометрическимъ и координативнымъ языкомъ, какъ и понятіе починнаго творческаго изначала.

Мудромѣрная школа останавливается не столько на философскихъ общихъ понятіяхъ, какъ на математизаціи соціальныхъ и государственныхъ явленій, т. е. на выраженіи общественной жизни числовыми знаками. Мудромѣрная школа пытается найти также соотвѣтствіе явленій природы съ математическими выкладками. Философію пытаются сдѣлать наукою точною. Пора обратиться къ вопросамъ общественной и государственной жизни, коими наиболѣе занята мудромѣрная школа.

§ 11. Правильное совѣщательное провидящее цѣлесообразное дѣланіе.

Второй примѣръ выберемъ изъ общественной и государственной жизни. Зададимся цѣлью выразить математически основныя начала правильнаго совѣщательнаго дѣлового провидящаго цѣлесообразнаго дѣланія и изложимъ ихъ по книгѣ П. А. Некрасова *„Государство и Академія“*, „Синтезъ (сложеніе)“ авторитетныхъ сужденій добросовѣстнаго меньшинства съ мнѣніями моральныхъ силъ доблестнаго большинства. Рѣшеніе это важно при опредѣленіи творчества законосозидательства въ Государствѣ при участіи выборныхъ отъ народа.

Итакъ, возьмемъ для примѣра выраженія математическою формулою такого общественно отвлеченнаго понятія, какъ *началооснова правильнаго совѣщательнаго дѣлового провидящаго цѣлесообразнаго дѣланія*. Если это проявленіе дѣлового совѣщательнаго хода будетъ выражено точно математически, то легко учесть не только надежду на благополучіе и данныя на успѣхъ, но и всякій рискъ какого бы то ни было промаха. Конечно, все будетъ зависѣть отъ добросовѣстности, освѣдомленности, дѣловитости, сообразительности, опытности, самостоятельности (независимости) каждаго совѣтчика, свѣдущаго человѣка въ отдѣльности и всѣхъ свѣдущихъ совѣтчиковъ вмѣстѣ.

Дѣловые совѣты вліяютъ на рѣшеніе *почина дѣла*, т. е. рѣшаютъ вопросъ, выгодно-ли для успѣха начинать дѣло

или благоразумнѣе не начинать его. Это рѣшеніе есть *починъ*, окончательный исходъ котораго принадлежитъ будущему и въ которомъ вообще бываетъ лишь *надежда* на успѣхъ, данныя котораго учитываются математически; но, кромѣ надежды, бываетъ и доля *риска*, т. е. сознательный „авось“ избѣжать промаха. Когда свѣдущимъ людямъ и опытнымъ совѣтчикамъ предоставляется рѣшать трудные и сложные вопросы и задачи дѣловой государственной цѣлесообразности, выбирать средства для цѣли и осуществлять ихъ, тогда вредны и опасны рѣшающіе голоса не только измѣнниковъ (провокаторовъ), но и простыхъ *простяковъ* и *всезнаекъ*, не посвященныхъ въ дѣло, средства и цѣли самаго дѣла, ибо незнайки совѣтуютъ средства, мало пригодныя къ цѣли, а измѣнники (провокаторы) отводятъ глаза отъ цѣли въ сторону. Выразимъ соотношенія этихъ составныхъ частей цѣлесообразности совѣта по изложенію проф. Некрасова математическимъ способомъ.

Пусть напр. совѣтчики $C_1\ C_2 \ldots C_н$ (нѣкій), имѣя въ виду нравственно дозволенную цѣль и обладая нравственно-дозволенными средствами, разсматриваютъ и выбираютъ эти средства свободно и по совѣсти, рѣшаютъ независимо другъ отъ друга задачу, какимъ средствомъ воспользоваться для достиженія успѣха. Предположимъ $C_1\ C_2 \ldots C_к$ высказались за, а остальные совѣтчики противъ нѣкоторыхъ мѣръ. Пусть *вѣроятность* достиженія до рѣшенія пустить въ ходъ выбранныя средства была b; послѣ же совѣта и рѣшенія пустить въ ходъ новыя средства естественная вѣроятность b достичь цѣли $Ц$ измѣнится и обратится, скажемъ, въ B. Эта вѣроятность, по ученію Чебышева, при независимости голосовъ совѣтчиковъ, т. е. при свободномъ рѣшеніи по формулѣ В. Я. Буняковскаго выразится такъ:

$$B=\frac{b.A}{b.A+(1-b)Б} \text{ причемъ } \ldots\ldots\ldots\ldots\ldots (1)$$

$$A=n,\ n_2 \ldots n_к\ (1-n_{к+1}) \ldots (1-n_н) \ldots\ldots\ldots (2)$$

$$\text{и } Б=(1-n_1)\ (1-n_2) \ldots (1-n_н)\ n_{к+1} \ldots n_п \ldots\ldots (3)$$

Тутъ $n_1\ n_2 \ldots n_к$ суть числа, представляющія собою вѣроятности, что совѣтчики $C_1\ C_2 \ldots C_к$ *не ошибаются* въ надеждѣ на успѣхъ, т. е. совѣтчики добросовѣстные, знающіе, проводящіе правильно, однимъ словомъ положитель-

ные: а $n_{к+1}$ $n_{к+2}$ . . . . $n_н$ —суть числа, представляющія собою вѣроятности, что враждебные совѣтчики $C_{к+1}$, $C_{к+2}$ . . . . $C_н$ не ошибаются въ отрицаніи надежды на достиженіе цѣли при тѣхъ обстоятельствахъ.

Общій видъ совѣтовъ будетъ клониться въ сторону успѣха, т. е. будетъ цѣлесообразенъ въ томъ случаѣ, когда разность *B—b* окажется положительною. Эта разность, съ точки зрѣнія разума, опирающаяся на совѣтъ свѣдущихъ людей, измѣряетъ проводящую силу соборнаго совѣта и вмѣстѣ съ тѣмъ *напряженіе H* не категорическаго вліянія изъ средствъ на успѣхъ H=B—b.

Изъ этихъ математическихъ выраженій легко усмотрѣть, какую роль играетъ добросовѣстность и освѣдомленность и дѣловитость независимыхъ совѣтчиковъ. Количество H обнаруживаетъ не только вліятельность приводящаго совѣта участниковъ и ихъ средства, но и качество совѣта, который можетъ быть либо вѣскимъ (авторитетнымъ), либо болѣе или менѣе свѣдущимъ и дѣловымъ, либо пустымъ, либо презрѣннымъ, либо хитролживымъ.

Выраженія (1) (2) и (3) даютъ возможность указать, какъ мало вліяетъ *большинство голосовъ* на доброкачественность рѣшенія, и даже единогласіе можетъ привести къ рѣшеніямъ хитроложнымъ.

Упростимъ формулы, предположивъ $n_1 = n_2 = n_3 \ldots = n_н = n$

$$B = \frac{b\ [n_1 \times n_2 \ldots (1-n_н)]}{b[n \times n_2 \ldots (1-n_н)] + (1-b)\ [(1-n_1)(1-n_2) \ldots n_{к+1} \ldots n_н)}$$

$$B = \frac{b}{b + (1-b)\left(\frac{n}{1-n}\right)^{2_к - н}}$$ гдѣ при большинствѣ голосовъ $2_к > n$

очевидно при $n < \frac{1}{2}$ будемъ имѣть B<b, а это значитъ, что свидѣтельство большинства собранія и даже его единогласное постановленіе отводитъ отъ цѣли и съ разумной стороны достойно презрѣнія по отношенію къ данному случаю. При $n = \frac{1}{2}$,—B=b, и это значитъ, что свидѣтельство собранія даже единогласное,—слѣпо и имѣетъ цѣну не болѣе, чѣмъ свидѣтельство дельфійскаго оракула. При $n > \frac{1}{2}$,—B>b, и это

обозначаетъ, что совѣтъ правильно рѣшилъ и заслуживаетъ довѣрія.

Тутъ до очевидности доказано, что не большинство голосовъ совѣтчиковъ залогъ правильности, а нравственное достоинство свѣдущихъ людей, ихъ независимость и добросовѣстность. Какая польза, если большинство голосовъ очевидныхъ измѣнниковъ и провокаторовъ.

Вотъ одинъ примѣръ примѣненія математическихъ формулъ для оцѣнки достоинства явленій общественной жизни, приведенный проф. Некрасовымъ въ его книгѣ Государство и Академія. Много любопытныхъ выводовъ даетъ приведенная формула, но для нашей цѣли—дать хотя небольшой, но понятный элементарный примѣръ,—и этого достаточно.

Третьимъ примѣромъ могъ бы служить методъ формальной химіи, который совпадаетъ съ символическою теоріею инваріантовъ, изложенною проф. В. Г. Алексѣевымъ въ книгѣ *„основы символической теоріи инваріантовъ“*, но это ученіе основано на высшей математикѣ и недоступно выясненію несложными дѣйствіями надъ числами. Посему и ограничимся указанными двумя примѣрами.

Выяснивъ такимъ образомъ сходство основныхъ положеній двухъ разбираемыхъ нами школъ и доказавъ на примѣрѣ возможность и даже необходимость математическаго выраженія общественныхъ явленій и философскихъ понятій,—мы приступимъ къ главному сходству школъ, къ понятію неограниченнаго самодержавія, необходимаго для преуспѣванія и жизненной цѣлости Святой Руси. А ученіе о самодержавномъ образѣ правленія всецѣло основывается на взглядѣ математической школы на процессъ жизни.

Глава IV. Самодержавіе и неограниченность его власти.

„Союзъ авторитетовъ церкви, государства и „академіи, который въ русскомъ государствѣ „исторически вылился въ форму авторитет- „наго тріединства: православіе (естественная „благодать и служба у престола Всевышняго), „самодержавіе (практическая государственная „власть) и академія (наука и искусство),—этотъ „союзъ есть живое воплощенное отраженіе соли- „ца міровой правды, которое, освѣщаетъ путь „къ общему благу и къ личному благу, совмѣ- „стимому съ общимъ благомъ ближнихъ".

Проф. П. А. Некрасовъ (Государство и Академія 25).

§ 12. Взглядъ мѣромудрой школы на процессъ жизни [1]).

Основатели Математическаго Общества явились противниками въ семъ вопросѣ рабскаго преклоненія передъ фактомъ. Они выступили въ числѣ протестантовъ противъ этого порабощенія современной научной мысли и точно разъяснили значеніе созерцанія и воли, вооруженныхъ предпосылочными объективными (предметными) и субъективными (личными) авторитетными и неавторитетными (самоцѣнными и несамоцѣнными) міросозерцаніями и болѣе или менѣе точными теоріями. Эти міросозерцанія и ученія, при мотиваціи (выясненіи) предстоящихъ дѣйствій, сочленяютъ съ внѣшними явленіями сознаніе, живущее своимъ чистымъ процессомъ (развитіемъ) и внутреннимъ опытомъ. Поэтому, историческія и соціалфизическія (общественно-естественныя) закономѣрности зависятъ столько-же отъ теоретическихъ активныхъ иниціативъ (ученаго дѣятельнаго почина) сознающихъ существъ, сколько и отъ являемыхъ фактовъ. Творческія сознательныя иниціативы (начинанія), вѣчно сущія, отличаютъ міровую психо-физіологію отъ физіологіи и физики, они вносятъ въ закономѣрность живой вселенной и ея частей особые разрывы механическаго и аналитическаго процесса и порывы съ рядами предшествующихъ фактовъ. Колебанія

[1]) Настоящая глава изложена словами г-на Логанова, любезно предоставившаго намъ свою рукопись. Въ скобкахъ переводъ нѣкоторыхъ иноязычныхъ словъ на русскій.

эти происходятъ по отношенію къ всеобъемлющему объективному міросозерцанію, отраженному въ субъективныхъ (личныхъ) міросозерцаніяхъ человѣчества.

Таковы, въ сжатыхъ словахъ, взгляды математической школы на процессъ жизни человѣчества. Эти взгляды изложены въ книжкѣ Некрасова „Московская философско-математическая школа и ея основатели“. Въ частности, вопросу о массовыхъ проявленіяхъ человѣческой дѣятельности посвященъ особый трудъ Некрасова.

Въ этой работѣ авторъ взглянулъ на теорію вѣроятностей съ ея дисциплинами, какъ на вѣтвь логики точныхъ индуктивныхъ (наводныхъ) наукъ, имѣющихъ дѣло съ массовыми проявленіями политической, общественной и духовно-нравственной жизни людей, и воспользовался успѣхами теоріи вѣроятностей, сдѣланными послѣ Кетле для усовершенствованія этой логики въ соотвѣтствующихъ частяхъ.

Эта усовершенствованная логика вмѣстѣ съ философіей, на которую она опирается, проливаетъ болѣе яркій свѣтъ на философскія категоріи необходимости, свободы, стѣсненія, причины, вліянія и цѣли, устраняя ту спутанность, какая существовала во взглядахъ на свободу, свободную волю и пр. Эта-же логика позволяетъ оцѣнить напряженіе или степень вліянія числовымъ мѣриломъ, изучая стѣсненія и изоляторы (разобщители), являющіеся спутниками свободы и независимости и открывая математическую закономѣрность въ массовыхъ независимыхъ случайныхъ явленіяхъ свободно-нравственнаго человѣческаго сообщества.

Эта закономѣрность не та, которая опирается на фаталистическое (непредотвратимое) дѣйствіе закона причинности, а та, которая, не вступая въ противорѣчіе съ причинностью, опирается однако на свободу и нравственный законъ.

Съ этой точки зрѣнія, въ міровомъ порядкѣ усматривается математическая правильность двухъ родовъ: 1) *фатальная* (неизбѣжная), связанная съ необходимостью, и 2) *свободная*.

При такомъ взглядѣ на предметъ Некрасовъ встрѣтился съ необходимостью критически отнестись къ предшествующимъ изслѣдованіямъ, касающимся примѣненія теоріи вѣроятности къ индуктивнымъ (наводнымъ) наукамъ. Эта критика оказалась необходимою потому, что, по его мнѣнію, въ

указанныхъ примѣненіяхъ теоріи вѣроятностей господствуютъ крупныя коренныя заблужденія.

Эти недоразумѣнія, глубоко проникшія въ соціологическій, статистическій и историческій методы, вытекли изъ слѣдующихъ причинъ: 1) изъ ошибочныхъ предпосылокъ схемы Кетле, которую онъ заимствовалъ у астрономовъ и распространилъ подъ именемъ соціальной (общественной) физики на моральныя (нравственныя) и политическія (государственныя) явленія, совершающіяся въ жизни человѣческихъ сообществъ, и 2) изъ дальнѣйшихъ и болѣе крупныхъ неправильностей, внесенныхъ въ схему Кетле его послѣдователями подъ вліяніемъ ложной логики Стюарта Милля.

Выводомъ этихъ недоразумѣній является въ наукѣ о массовой человѣческой дѣятельности, съ одной стороны, застой мысли, а съ другой, произвольныя колебанія ея, выразившіяся въ различныхъ утопіяхъ (небылицахъ), въ которыхъ основными законами общественной жизни полагаются то рабская зависимость личности отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, то анархическое (безначальное) своеволіе личности.

Смыслъ дѣлаемой Некрасовымъ поправки выражается въ томъ, что свободная воля, какъ морально-интеллектуальная (нравственно-умственная) сила, въ массовой общественной жизни не только не стушевывается, какъ думалъ Кетле, но является самой важной силой въ жизни человѣчества. Какъ нравственная сила, она, пожалуй, дѣйствительно стушевывается, но лишь по отношенію къ той нестойкой, неглубокой и нравственно-индифферентной (теплохолодной) части общества, надъ которой тяготѣютъ слова: „такъ какъ ты не горячъ и не холоденъ, а только тепелъ, то извергну тя изъ устъ моихъ!“

При всей своей важности, изложенные вопросы слишкомъ сложны, чтобы ихъ можно было касаться въ бесѣдахъ такого характера, какъ наша, поэтому въ настоящемъ случаѣ насъ ближе интересуютъ взгляды Некрасова на вопросы государственной жизни Россіи.

Эти взгляды его, покоящіеся на выработанныхъ математической школой началахъ, выражены въ изданной имъ въ началѣ 1905 года книжкѣ „Государство и Академія“ съ подзаглавіемъ „Синтезъ авторитетныхъ сужденій добросо-

вѣстнаго меньшинства съ мнѣніями моральныхъ (нравственныхъ) силъ доблестнаго большинства".

Въ этомъ трудѣ обоснованы въ краткихъ выраженіяхъ всесторонніе связи между государствомъ и академіей, наукой и политикой, школой и жизнью, пріемами школьнаго дисциплинированія и политическими методами управленія. Тамъ-же развивается математическое ученіе о регулярныхъ методахъ (правильныхъ пріемахъ) совѣщательнаго и рѣшающаго процесса и ученіе о выборныхъ системахъ, а также указывается примѣненіе этихъ ученій къ задачамъ созданія новыхъ законовъ и задачѣ преобразованія самыхъ методовъ законодательства. Въ трудѣ этомъ вмѣстѣ съ тѣмъ выясняется необходимость въ жизни, въ политикѣ и въ школѣ живого правомѣрнаго союза, историческихъ преемственныхъ авторитетовъ (государства, религіи и науки).

Съ этой точки зрѣнія нравственная могучая обобщающая и объединяющая устойчивая сила русскаго государства и опора русскаго союза всѣхъ культурныхъ авторитетовъ сосредоточивается въ практическомъ, путеводномъ государственномъ авторитетѣ: *въ истинномъ самодержавіи*. Естественные корни самодержавія укрѣплены въ устойчивомъ народно-монархическомъ міросозерцаніи русскаго племени, основавшаго русское государство, какъ кровно-родовой психофизіологическій организмъ. А истинность авторитета самодержавія покоится на историческомъ союзѣ его съ духовно-культурными авторитетными силами: не только съ Православіемъ, но и съ Академіей.

Мы видимъ сейчасъ, не смотря на состоявшееся преобразованіе нашего государственнаго строя, и отдѣльныхъ лицъ, и цѣлыя сообщества, которыя отрицаютъ Государственную Думу, и притомъ безъ объясненія въ достаточно опредѣленныхъ чертахъ, въ какомъ-же видѣ представляютъ себѣ эти упорные противники преобразованія необходимый, по ихъ мнѣнію, государственный строй Россіи. Некрасовъ, котораго ужъ никакъ невозможно обвинить въ недостаточной вѣрности нашимъ національнымъ народно-русскимъ основамъ, смотритъ на дѣло иначе.

По его мнѣнію, государственные дѣятели предшествующихъ поколѣній допустили въ пріемахъ русскаго законодательства коренную историческую ошибку, неблагопріятно от-

развившуюся на всѣхъ сторонахъ русской жизни и на русской школѣ. Эта ошибка состояла въ томъ, что общая функція законодательства, которая по цѣли своей имѣетъ опредѣленіе нормъ отношенія каждой подданной самодѣятельной (простой и собирательной) личной единицы ко всѣмъ остальнымъ единицамъ и всѣхъ единицъ къ каждой, была роковымъ образомъ организована недостаточно независимо отъ другой, весьма почтенной и важной, но сепаратной функціи, а именно,—отъ административной правительственной функціи.

Государственное коренное преобразованіе, котораго жаждутъ русскіе люди, оставшіеся вѣрными русскому естественному и историческому авторитетному государственному пути, должна состоять не только въ исправленіи *бюрократическаго фатализма*, который, занесенный съ Запада въ петербургскій періодъ, разстроилъ мѣстную русскую самодѣятельность и подвелъ мину подъ русскую автономнѣйшую автономію (самодержавіе),—но и въ устроеніи предвидимаго въ возможностяхъ, еще худшаго средостѣнія. Средостѣніе это окажется чудовищнымъ центральнымъ космополитическимъ звѣремъ, пожирающимъ колыбель русскаго государства и русскій народъ.

Какой-же видъ должно имѣть такое государственное преобразованіе?

Совѣщательность и совѣщательный рѣшающій добросовѣстный дѣловой процессъ въ политической, церковной и академической жизни являются живымъ духомъ и закона, и союзнаго дѣла; этотъ духъ совѣта ведетъ силы собирательно къ общимъ цѣлямъ и дополняетъ мертвую букву закона и физическое дѣйствіе космическихъ силъ. Дѣловое совѣщаніе предшествуетъ рѣшенію разныхъ выдвигаемыхъ жизнью задачъ о частныхъ и государственно-общественныхъ интересахъ, цѣляхъ и средствахъ и объ условіяхъ нормированія общественнаго дѣла и труда. Возможны безсистемныя и нерегулярныя формы совѣщанія и собиранія совѣтовъ, доходящія до сплетенъ, провокаціи и смутъ, но существуютъ и регулярные (правильные), методическіе (послѣдовательные) и систематическіе (порядковые) способы совѣщанія и собиранія совѣтовъ.

Среди безконечнаго разнообразія болѣе или менѣе регулярныхъ формъ практическаго собиранія совѣтовъ и собирательно-совѣщательнаго, освѣдомляющаго и научающаго

процесса можно различить двѣ типичныхъ элементарныхъ положительныхъ основныхъ формы: 1) провидящую, основанную на изощренной логикѣ добросовѣстнаго разсудка, и 2) морально-динамическую, основанную на мнѣніи и сужденіи о тяготѣніяхъ къ удовлетворенію нуждъ и къ благамъ сердца. Этимъ двумъ психологическимъ формамъ соотвѣтствуютъ двѣ элементарныхъ математическихъ и политическихъ формулы методическаго собиранія совѣтовъ и рѣшеній.

Разсудочныя сужденія и психо-физіологическія мнѣнія союзовъ моральныхъ силъ въ ихъ естественно-историческихъ нравственныхъ противоположеніяхъ требуютъ для своего сліянія особаго живого синтеза (соуза), совершаемаго въ послѣдней инстанціи естественно и исторически унаслѣдованною авторитетною верховною властью. Эта власть имѣетъ естественный наклонъ къ добросовѣстности и поэтому наиболѣе право и закономѣрно взвѣшиваетъ вещи, цѣнности, интересы и цѣли сторонъ мѣрою, числомъ, вѣсомъ и положеніемъ, ища объективнаго и справедливаго выхода.

Но послѣднее возможно лишь въ томъ случаѣ, если самодержавіе слагается изъ союзнаго историческаго тріединства: *православіе* (естественная благодать), *самодержавіе* (практическая государственная власть) и *академія* (наука и искусство). Это авторитетное русское тріединство, служащее благу народа и съ нимъ неразрывно связанное, является истиннымъ лишь въ своемъ здравомъ союзѣ, раздѣленномъ спеціализаціей, а не враждебнымъ противоположеніемъ.

Итакъ, верховная власть для своего правильнаго дѣйствія, какъ было сказано выше, нуждается въ представительствѣ двухъ родовъ. Законосовѣщательныя палаты, хорошо построенныя, должны быть добросовѣстными и компетентными живыми инструментами созерцаній, оцѣнокъ, мѣръ и вѣсовъ. Государствовѣды же и правовѣды, вырабатывающіе планъ постройки палатной и выборной системы, должны быть достаточно хорошими математиками, спеціализовавшимися въ области моральной ариѳметики съ ея приложеніями къ природѣ, исторіи и обществу. Этими качествами обладали академики политическихъ наукъ и плотники государственныхъ дѣлъ, которыя, примѣняясь къ туземнымъ условіямъ, создали лучшіе самобытные основные законы Англіи, Голландіи, Америки, Бельгіи и Германіи и вообще всѣхъ тѣхъ

государствъ, которыя не впали въ легкомысліе, слѣпое подражаніе и верхоглядство, а трудились сознательно. Эти государства не пожертвовали естественными и историческими условіями своего государственнаго уклада и не послѣдовали исключительно парламентскому методу вершенія законодательныхъ задачъ, а дали неограниченный просторъ либо кровно-родовымъ рѣшающимъ верховнымъ инстанціямъ (Англія), либо избраннымъ главамъ государства съ обширными верховными полномочіями, отнимающими у центральнаго парламента верховное значеніе (Америка). Преклоненіе предъ парламентскимъ верховенствомъ въ дѣлѣ законодательства создано новосхоластической школой государствовѣдѣнія и правовѣдѣнія, начало которой положили Монтескье, Руссо и другіе діалектики, не понимавшіе точныхъ методовъ политической науки и вѣрившіе въ возможность рѣшенія соціальныхъ и законодательныхъ задачъ лишь политическимъ и публицистическимъ краснорѣчіемъ. Эта діалектическая школа новой политической схоластики еще въ XVIII вѣкѣ овладѣла французами, а нынѣ она овладѣла многими русскими конституціоналистами (юристами, историками и философами).

Неточный діалектическій методъ изученія политическихъ наукъ господствуетъ у насъ въ университетской школѣ правовѣдѣнія и исторіи. Онъ овладѣлъ и литературою. Эта школьная и литературная система существуетъ у насъ слишкомъ долго и отучила большую часть русскихъ образованныхъ людей (т. н. „интеллигенцію“) отъ взвѣшеннаго политическаго сужденія и точнаго опредѣленія.

Въ глазахъ Верховной Власти методически построенная Государственная Дума является не только всестороннимъ законосовѣщательнымъ цѣнителемъ, но и методическимъ средствомъ изученія моральнаго положенія вещей въ цѣляхъ отысканія умиротворяющихъ и уравновѣшивающихъ началъ. Для Верховной рѣшающей Инстанціи Государственная Дума можетъ быть инструментомъ проницательнаго наблюденія съ цѣлью вывода морально-динамическихъ формулъ сложенія и разложенія силъ,—формулъ, объективныхъ въ мѣру того, посколько Дума избирательною системою будетъ организована и построена цѣлесообразно для исчисленія посредствомъ вошедшихъ въ ея составъ всесторонникъ представительствъ.

объективно существующихъ вѣрноподанныхъ моральныхъ силъ, а не силъ воображаемыхъ и подложныхъ.

Поэтому, политическая избирательная система, привлекающая избранныхъ отъ населенія достоïнѣйшихъ людей для обсужденія законодательныхъ предложеній, должна предоставить населенію свободу избранія, не безразличную, а вѣрно направленную по задачамъ, средствамъ и цѣлямъ общаго и частнаго блага. Обсужденіе законопроектовъ мнѣніями моральныхъ силъ коренного населенія русскаго государства должно быть организовано такъ, чтобы не нарушались основныя и общія выгоды этого населенія, а по возможности увеличивались его настоящія и будущія кровныя и трудовыя блага. Для этого, необходимо, чтобы были даны преимущества для избирателей отъ коренного населенія въ лицѣ основныхъ племенъ и коренныхъ семей сословій, создавшихъ государство. Съ другой стороны необходимо, чтобы были сдѣланы соотвѣтствующія вѣсовыя ограниченія для племенъ, примкнувшихъ къ государству позже и еще не сросшихся съ основными частями государственнаго организма въ крѣпкое духовно-матеріальное тѣло.

Рѣшенія Государственной Думы, по существу неокончательныя и предварительныя, называются *совѣщательными*, но это послѣднее словообозначеніе въ глазахъ мораль-ариѳметика, отыскивающаго органическую связь вещей, неудачень, ибо онъ не точно характеризуетъ *вѣскость* предварительныхъ рѣшеній Думы. Вѣсъ этихъ рѣшеній не абсолютный, но практически вліятельный. Законопроектъ, ранѣе окончательнаго оплодотворенія, превращающаго его въ законъ, долженъ въ строгомъ порядкѣ благопристойности и благочинія, установленнаго законами и преданіями, пройти черезъ разныя очищающія его и прививающія ему жизнеспособность вліянія, т. е. черезъ одобреніе съ разныхъ точекъ зрѣнія, разныхъ центральныхъ палатъ и учрежденій.

Законопроекты обсужденные, исправленные и одобренные Государственной Думой съ точки зрѣнія ея автономіи, Государственный Совѣтъ разсматриваетъ вторично съ точки зрѣнія своей автономіи. Онъ обсуждаетъ каждый законопроектъ научно-систематическими пріемами, взвѣшивая его въ цѣломъ и по частямъ, логикою и опытомъ не простого, а систематическаго разсудка. Государственный Совѣтъ оцѣни-

ваетъ своими аристологическими нормами объективное положеніе вещей въ связи съ движущими пожеланіями, взвѣшенными и приведенными въ систему логикою сердца Государственной Думы. Данныя для успѣха жизненности и плодотворности законопроекта, законопредположенія, одобреннаго не только логикою здраваго народнаго сердца, но и систематическаго разсудка мудрѣйшихъ государственныхъ людей, увеличиваются отъ такого вторичнаго одобренія.

Государственная Дума и Государственный Совѣтъ для созерцающаго черезъ нихъ Самодержавія являются двумя отдѣльными (цѣлесообразно независимыми) центральными обсерваторіями. При посредствѣ этихъ обсерваторій Верховная Власть наблюдаетъ и оцѣниваетъ силы и координаціи моральнаго движенія одного и того-же сложнаго явленія, но съ разныхъ точекъ прозрѣнія и предвидѣнія и разными средствами законопроектированія. Поэтому обѣ онѣ дополняютъ другъ друга, взаимно исправляя ошибки каждой точки прозрѣнія. Государственный Совѣтъ долженъ быть оборудованъ личными и матеріальными средствами для рѣшенія провиденціальныхъ задачъ, законодательства, рѣшаемыхъ при помощи научно-собранныхъ данныхъ. Являясь научно-изслѣдующимъ гносеологомъ, провидящимъ будущее по даннымъ настоящаго и прошедшаго, Государственный Совѣтъ долженъ быть высшимъ центральнымъ учрежденіемъ государства по собиранію всѣхъ тѣхъ данныхъ, кои способны увеличить его прозорливость.

При всемъ томъ новыя палаты не являются единственными обсерваторіями для объективныхъ созерцаній Верховной Власти. Эти обсерваторіи спеціализовались лишь для одного рода дѣлъ, для участія въ предварительной разработкѣ законопроектовъ. Но государство имѣетъ много культурныхъ дѣлъ и культурныхъ обсерваторій, которыя гносеологически стоятъ въ аристологическомъ отношеніи выше законопроектирующихъ палатъ. Палаты церковныя и академическія и учрежденія промышленныя и народообразовательныя, а также административныя, общественныя и судебныя, являются важнѣйшими духовными разсадниками и хранителями культуры и дѣла, будучи въ то же время обсерваторіями и консультантами Государя.

Всѣ сужденія, мнѣнія и разнорѣчія о законопроектѣ съ

мотивами по задачамъ, пользамъ и цѣлямъ, доставляемыя Верховной Власти центральными палатами и центральными учрежденіями, синтезируются рѣшающей волей Верховной Власти. Но для надлежащаго выполненія такого рѣшающаго синтеза необходимо, чтобы сама Верховная Власть имѣла полную свободу, которая нужна ей не для деспотіи и тираніи, а для цѣлесообразныхъ авторитетныхъ жизненныхъ физіологическо-этическихъ отправленій, необходимыхъ для государства. Такою исторически-устойчивою рѣшающею центральною свободою—силою въ государствѣ—является истинное Самодержавіе. Говоря объ этомъ истинномъ Самодержавіи, какъ о нормѣ, Некрасовъ не отрицаетъ возможности многочисленныхъ фактическихъ отступленій дѣйствительности отъ нормы—идеала. Эти колебанія и увлеченія и даже вырожденія (восточная деспотія, цезаризмъ, абсолютизмъ) монархической идеи не уничтожаютъ не только самой идеи, но и ея вліянія въ опредѣленную положительную сторону. Истинность свою самодержавіе получаетъ въ мѣру того, поскольку оно въ кождомъ своемъ рѣшеніи сохраняетъ союзъ своего практическаго авторитета съ историческими авторитетами истиннаго православія и истинной академіи. Самодержавіе, какъ и каждый изъ органовъ авторитетнаго тріединства, въ дѣйствіяхъ физическихъ лицъ начинаетъ болѣе или менѣе уклоняться отъ истины, болѣе или менѣе грѣшить, всякій разъ какъ только сила этихъ лицъ разстраиваетъ этотъ святой тріединый союзъ. Между прочимъ, всѣ общенія съ истинной академіей, Самодержавіе утрачиваетъ правильную координацію своего естественнаго и историческаго самобытнаго пути, и съ своей стороны, православіе не можетъ оправдать дефектовъ въ координаціи государственнаго порядка, оцѣниваемой компасами науки.

При всѣхъ этихъ неограниченныхъ свойствахъ, истинное самодержавіе не есть абсолютизмъ, поглощающій въ своемъ произволѣ право и закономѣрную свободу подданныхъ политическихъ и бытовыхъ автономій. Его функціи закономѣрны, и эта закономѣрность выражается въ слѣдующихъ естественныхъ политическихъ обязательствахъ, условіяхъ и верховныхъ правахъ: 1) въ естественной обязанности добровольно подчиняться всѣмъ ранѣе изданнымъ законамъ, пока тотъ или другой законъ не измѣненъ закономѣрно; 2) въ

правѣ измѣнять законы по совѣщанію или личному усмотрѣнію, съ естественнымъ ограниченіемъ этого права посредствомъ принципа: новый законъ вступаетъ въ силу по надлежащемъ опубликованіи и вліяетъ лишь на будущее, а по отношенію къ прежде пріобрѣтеннымъ интересамъ живыхъ современниковъ не имѣетъ обратнаго дѣйствія; 3) въ чрезвычайномъ правѣ временно пріостанавливать дѣйствіе обыкновенныхъ законовъ и давать полномочія примѣнять особыя чрезвычайныя мѣры по особому опубликованному положенію; 4) въ многообразной политической совѣстливости съ представителями историческихъ культурныхъ учрежденій церкви и академіи, съ представителями земли, съ представителями служебной тяги всѣхъ родовъ и т. д. 5) въ естественной обязанности поддерживать государственный порядокъ, направлять и охранять его посредствомъ законовъ, суда, администраціи, полиціи и войска, а также посредствомъ содѣйствія общественныхъ и частныхъ автономій и государственно-общественныхъ учрежденій; 6) въ условіяхъ кровно-родовой наслѣдственности царскаго престола, вносящихъ въ бытіе Верховной Власти Государства физіологическую непрерывную опредѣленность и устойчивость, чего не достаетъ республикамъ, главы которыхъ смѣняются по волѣ случайной и закрытой игры.

Руководимый истиннымъ Самодержавіемъ, Государственный корабль въ общемъ своемъ поступательномъ движеніи выигрываетъ стратегически, хотя-бы онъ иногда проигрывалъ отдѣльныя ставки. Эти общія побѣды Государства суть волны океана, на которыхъ тактическія погрѣшности лишь мелкая рябь.

Самодержавіе есть преемственно родовая душа гармоніи всѣхъ частей государственнаго тѣлесно-духовнаго организма. Оно есть твердо поставленное исторіей внѣ временъ, пока существуетъ государство, не пресѣклась династическая родовая линія и разумно объединяющее „я“ въ государствѣ, какъ кровно-родовомъ сложномъ организмѣ.

§ 13. Славянофильское и мѣромудрое тріединство русской государственности.

Въ этóмъ очеркѣ совершенно точно выясненъ взглядъ проф. Некрасова на государственность, которая должна опи-

раться на три силы; на церковный авторитетъ, на неограниченность самодержавія и на народное мнѣніе и знаніе, доведенныя до возможнаго совершенства черезъ академію.

Церковь, государство и академія—вотъ тріединство Некрасовскаго взгляда. Онъ отличается отъ основъ славянофильскаго тріединства развѣ тѣмъ, что у славянофиловъ не выдвинута академичность народнаго мнѣнія, т. е. его возможное совершенство, полученное черезъ накопленіе чисто-научныхъ и другихъ умственныхъ и художественныхъ дарованій, а обосновывается на непосредственномъ совѣстливомъ народномъ началѣ. *Богъ, Помазанникъ и Народъ или иначе Православная Церковь, Русская Государственность и народное* и даже простонародное *мнѣніе земскаго собора,*—вотъ извѣстное всѣмъ выраженіе государственнаго тріединства по славянофильству. Три личные представителя сего тріединства или выразителя русскаго государственнаго домостроительства суть: *Патріархъ, Царь и Посадникъ Народный,* у Некрасова-же представитель народа—Академіи.

И эта тріединая обрисовка русской государственности —личнаго свойства и основана на духовной, душевной и естественной сторонахъ жизни и природы народнаго сплоченія въ единствѣ государства. При разсмотрѣніи обоихъ ученій мы, не уничтожая значенія „мѣры и числа“ жизненыхъ проявленій народныхъ единицъ обоихъ ученій, опредѣляемъ точно ту разницу, которая существуетъ между мудромѣрностью московскаго уклада и кореннымъ взглядомъ славянофильскаго любомудрія.

Разсмотрѣніе этой государственности намъ кажется наиболѣе цѣлесообразно не по соціологическимъ началамъ жизни массовыхъ (людовыхъ) объединеній, но по душедуховному построенію державы.

Полнота свободнаго проявленія державства или царства будетъ тогда, когда царь самодержно неограниченъ въ рѣшеніи и волѣ, выслушивая мнѣніе народное, разнообразно представленное и выполняя велѣнія соборной совѣсти церкви и народа; когда народъ самодержавно свободенъ при установкѣ своего соборнаго мнѣнія, подчиняясь добровольно законамъ царскимъ и законамъ Божіимъ, которымъ подчиняется въ свою очередь также и царь единственный народно-русскій представитель. Когда церковь авто-кефально (цер-

ковно-самодержавно) правитъ епархіями и проявляетъ собою выраженіе народной совѣсти, подчиняясь царскому управленію въ дѣлахъ общинныхъ и общественныхъ, но никоимъ образомъ не дозволяя Государству вмѣшиваться въ дѣла догматическія. Во всякомъ случаѣ церковь должна подчиниться и народному голосу соборной совѣсти. Вотъ почему разобличеніе неправды служителей церкви не только допустимо мірянамъ, но обязательно для нихъ, и оно есть не только естественное право народа, но и его нравственный долгъ.

Соотношенія въ тріединствѣ государственномъ вполнѣ соразмѣрныя и взаимно-опредѣляющіяся, тутъ ни въ чемъ нѣтъ превышенія одной власти надъ другой, ибо все связывается и подчинено единой власти неограниченнаго самодержавія Царя.

Итакъ, въ чемъ-же сосредоточивается коренная мысль Некрасова, какъ не въ самодержавіи въ союзъ съ Православіемъ и русскимъ Просвѣщеніемъ. Онъ пишетъ приблизительно такъ: „Естественные корни Самодержавія укрѣплены въ устойчивомъ народо-царскомъ жизнепониманіи русскаго племени, основавшаго русскую державу, какъ кровно-родовую душевно-тѣлесную цѣлость, а истинность авторитета самодержавія покоится на вѣковомъ бытовомъ историческомъ союзѣ его съ духовными просвѣтительными самоцѣнными (авторитетными) силами: не только съ Православіемъ, но и съ Академіей.“

Союзъ Церкви, Государства и Академіи, который въ русскомъ державствѣ или царствѣ вылился въ тріединство: православіе (естественная благодать и служба у престола Всевышняго), самодержавіе (дѣйствующая государственная власть) и академія (наука и искусство),—этотъ союзъ есть живое воплощенное отраженіе солнца міровой правды, которое освѣщаетъ путь къ общему благу и къ личному благу, совмѣстному съ общимъ благомъ ближнихъ, и стоитъ выше гражданскаго закона и выше его правового обряда (юридическаго). Въ этомъ Некрасовъ встрѣчаетъ единомысліе въ лучшихъ и ученѣйшихъ представителяхъ современнаго Православія.

И сама Церковь въ лицѣ самыхъ ученыхъ силъ изображаетъ русское царство такимъ точнымъ образомъ. Такъ Преосвященный Епископъ Ѳеофанъ, затворникъ Вышенскій, въ словѣ, обращенномъ къ паствѣ въ Тамбовѣ, говоритъ: „Вотъ

мы часто хвалимъ себя: Святая Русь, Православная Русь. О, когда-бы навсегда оставаться намъ святыми и православными,—по крайней мѣрѣ любящими святость и Православіе! Какой вѣрный залогъ несокрушимости имѣли-бы мы въ титлахъ сихъ! Православіе выражается единствомъ Богомъ дарованной истины; самодержавіе—единствомъ Богомъ дарованной власти; народность—единствомъ стремленій, Царемъ указанныхъ и Богомъ освященныхъ.

Православіе пріемлетъ истину отъ Бога черезъ церковь и ей подчиняется смиренно; Самодержавіе принимаетъ Царя отъ Бога черезъ преемство родовъ и ему повинуется вседушно; народность воспріемлетъ сознаніе избранничества Божія для особыхъ цѣлей провидѣнія, измѣряя ихъ извѣстною волею Божіею—и ея наипаче исполнительнымъ орудіемъ себя представляя.

Народъ, преданный Богу и Царю и единодушно стремящійся къ исполненію указуемыхъ ими цѣлей,—какая несокрушимая сила! Какой задатокъ благоденствія и поспѣшенія во всемъ!

Есть что и есть изъ-за чего ихъ беречь! Береги-же, народъ русскій, сіи сокровища. Не трать и не порти ихъ“ [1]).

§ 14. Психологическая основа самодержавія и неограниченность царской власти.

Раскрывая понятіе самодержавія со стороны психологической, можно сказать, что русское государственное домостроительство [2]) утверждено незыблемо на довѣріи народа къ Царю.

Разъ это довѣріе исторически сложилось и не перестало существовать въ русскомъ народѣ и по сей день, Царь—его представитель и притомъ единственный—признается имъ, народомъ, самодержавнымъ и неограниченнымъ. Неограниченность Царскаго Самодержавія и есть основной корень, основной устой, краеугольный камень домостроительства народнаго

[1]) Святитель Ѳеофанъ, затворникъ Вышенской пустыни. П. А. Крутикова. Москва 1899 г. стр. 94.

[2]) Извлеченіе изъ слова, произнесеннаго на Московскомъ съѣздѣ русскаго народа и напечатаннаго въ № 7 „Голосъ Русскаго“, подъ заглавіемъ *„Коренной вопросъ Русскаго государственнаго домостроительства“*.

русскаго государства съ психологической и нравственной точки зрѣнія.

Общественное сознаніе, сбитое съ толку западно-европейскими заблужденіями, не различаетъ въ настоящее время понятія абсолютизма отъ понятія Неограниченнаго Самодержавія и не понимаетъ глубины и высокаго достоинства этого совершеннаго строя русской государственной жизни. Такое непониманіе самодержавія явленіе относительно новое. Во время оно русское сознаніе превосходства своей государственности было ярко, но поддалось жестокому насилію иноземнаго гнета.

Всего легче выяснить смыслъ истиннаго самодержавія сравненіемъ государственной жизни народа съ психическими (душевными) сторонами жизни каждаго отдѣльнаго личнаго „я“, а именно: 1) перечисленіемъ всѣхъ сторонъ жизни духовнаго существа, каковъ человѣкъ, и 2) выясненіемъ рѣшающаго значенія свободной воли въ дѣятельности, дѣлахъ и единичныхъ поступкахъ каждаго отдѣльнаго человѣка.

Для сего ставится теперь вопросъ такъ: *въ какомъ смыслѣ Истинное Царское Самодержавіе не можетъ быть инымъ, какъ Неограниченнымъ, и чѣмъ при этой неограниченности оно вполнѣ закономѣрно и нравственно-связно; оно посему не безграничное самовластіе, т. е. абсолютный деспотизмъ.*

Научное воззрѣніе на составность человѣка и полноту его природы выражается признаніемъ, собственно, трехъ сторонъ его жизни; то, что вѣрно для отдѣльнаго человѣка, то примѣнимо для всякаго живого духовнаго строенія живого общества, какова семья, общество, народъ, племя, культурно-историческій типъ или міръ и даже все земное человѣчество. Эти три стороны—его духовность, душевность и тѣлесность (вещественность, т. е. что называется его физическое строеніе, физическій организмъ). Такое воззрѣніе, принятое даже отсталой западной наукой (психологіей), основывается на вѣчной истинѣ, благовѣщенной Словомъ Божіимъ, ибо такъ учитъ насъ Св. Апостолъ Павелъ въ посланіи къ Ѳессалоникійцамъ, гл. 5 ст. 23: „И вашъ духъ, и душа, и тѣло во всей полнотѣ“...

Остановимъ особое вниманіе на душевной сторонѣ, ибо власть вообще, и власть Самодержца въ томъ числѣ, принадлежитъ къ области *воли*, а воля—душевное проявленіе.

Двѣ другія стороны души—это: 1) *разумѣніе* (мышленіе), сила и источникъ котораго есть *разумъ*, а его плодъ—*мнѣніе*, и 2) *чувство*, сила котораго коренится въ сочувствіи, а совершенное его проявленіе—*любовь*—дополняютъ всѣ душевныя стороны. Ни мнѣніе, ни любовь проявиться во внѣ безъ воли или произволенія не могутъ, иначе они остались бы внутри насъ въ зародышномъ состояніи, а не обнаружились-бы во внѣшней жизни.

Итакъ, всѣхъ разсматриваемыхъ нами въ настоящее время областей или сторонъ личной, общественной и народной жизни пять, изъ коихъ одна духовная, три душевныхъ и одна физически-тѣлесная.

1) *Область духовная*, выразительница которой—совѣсть для каждаго въ отдѣленности и *соборная совѣсть* для всего общества, а домостроительство ея—Святая Церковь;

2) Область *душевная разумная*, проявленіе которой есть мысль, всенародная-же мысль обобщается и кристализуется въ соборное мнѣніе;

3) Область *душевная волевая*—власть, которая выражается въ законѣ, а законъ этотъ для отдѣльнаго человѣка его правила жизни, а для народа—законъ государственный;

4) Область *душевная, сердечная*—любовь;

5) *Область тѣлесная*, физическая, вещественная,—для отдѣльнаго человѣка его плотское тѣло, для народа его страна, племя, государство, климатъ, топографія, государственныя границы, международное географическое положеніе, историческія преданія, бытъ, народная внѣшность и т. д.

Итакъ, власть принадлежитъ средней, серединной области воли, какъ ставитъ ее и Хомяковъ въ своей философіи. Воля въ своемъ постепенномъ развитіи переходитъ разныя ступени существованія, укрѣпленія, возвышенія: сперва *смутное желаніе*, затѣмъ, когда оно станетъ неопреодолимымъ, то переходитъ въ *хотѣніе*. „Я не только желаю, но и хочу, чтобы было такъ.“ Хотѣніе, наконецъ, толкаетъ, принуждаетъ къ рѣшенію, обостряется въ немъ *рѣшимость* исполнить: „Хочу и рѣшилъ, быть по сему.“ А тамъ еще одинъ шагъ, и—рѣшеніе исполнилось. Такъ въ жизни отдѣльнаго человѣка: всѣ проявленія воли сознательно и часто безсознательно обостряются, обвершиниваются въ актѣ *рѣшимость*: „быть по сему“. Вотъ рядовой самоотверженно кидается на при-

ступъ, ибо созрѣло у распорядителя боя, его командира, такое рѣшеніе и данъ приказъ: „быть по сему; въ бой!“ Свободная личная *рѣшимость* воина выполнить приказъ тутъ-же его окрыляетъ, онъ водружаетъ на стѣнѣ непріятельскаго редута русское знамя. Онъ герой... Вотъ самоубійца просверливаетъ свой собственный високъ пулею Браунинга, ибо у него таилось такое рѣшеніе: „быть по сему“, и струйка алой крови змѣится на блѣдномъ тѣлѣ ниспровергнутаго несчастнаго безумца. И вотъ это „быть по сему“—волевое властное рѣшеніе—всегда, вездѣ, во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, сознательно или безсознательно, у всѣхъ рѣшительно *самодержавно-неограниченно*. До того-же времени, когда оно обострилось до степени рѣшимости, человѣкъ и обсуждаетъ, и думаетъ, совѣты близкихъ и свѣдущихъ людей собираетъ, совѣтъ чужихъ и своихъ принимаетъ или отвергаетъ, многообразныя мнѣнія изучаетъ, даже слухами и внушеніями питается, но актъ „быть по сему остается мгновеннымъ, одноличнымъ, одновольнымъ и самодержавно-неограниченнымъ ничьею иною волею, какъ своимъ-же собственнымъ произволомъ. Это неизбѣжный законъ души каждаго человѣка, законъ каждой власти, кому она ни принадлежитъ. Что въ частной жизни, что въ семейной, то и въ общественной и государственной. Воля или человѣческая власть личности обостряется въ моментъ рѣшимости, и этотъ *моментъ* неограниченъ, свободенъ отъ воли или неволія совнѣ. Это естественное природное свойство, рѣшимость—актъ внутренняго произволенія, произвольности и даже произвола. Конституцы въ ихъ поклоненіи западному фетишу, случайности, фатуму, замѣняютъ рѣшимость воли Самодержца Царя Помазанника безсмысленнымъ большинствомъ голосовъ случайнаго или преднамѣренно злостнаго малаго меньшинства народа. Здѣсь скрыта великая ложь Запада, ибо большинство голосовъ означаетъ въ дѣйствительности микроскопическое меньшинство голосовъ, нѣсколько сотенъ взамѣнъ милліоновъ народа.

Въ русскомъ государственномъ строѣ рѣшимость, т. е. высшій моментъ народной воли, сосредоточивается въ рѣшимости единственнаго представителя народа, въ волѣ своего любимаго и любящаго Православнаго русскаго Царя-Помазанника. Но эта воля или власть можетъ быть разсматриваема съ двухъ точекъ зрѣнія: совнутри и совнѣ.

1) Власть сама по себѣ, власть самодовлѣющая, т. е. власть, разсматриваемая со стороны внутренней ея самостоятельности и личной державы, и есть *Самодержавіе;*

2) Власть по отношенію къ постороннимъ волевымъ силамъ, т. е. власть, разсматриваемая со стороны внѣшней, иначе внѣшнее самоопредѣленіе ея, и есть *неограниченность.*

Одна сторона безъ другой быть не можетъ; противное было-бы логическою безсмыслицею. Власть ограниченная есть подвластіе, полувластіе, т. е. подчиненіе. Соединеніе Неограниченности и ея Самодержавія дѣлаетъ власть незыблемой, неотъемлемой, постоянной, а не случайной, перемѣнной. Вычеркнуть одно изъ двухъ неотдѣлимыхъ свойствъ— это уничтожить его полноту, т. е. логическій его смыслъ, и значеніе. Такой власти быть не можетъ. Самодержавіе и неограниченность есть тождесловіе, выраженное въ положительной (первое) и отрицательной (второе) формахъ.

Вотъ характеръ всякой власти личной, общественной, государственной.

Всѣ три стороны душевной жизни человѣка въ ея полнотѣ, т. е. чувство, воля и мысль, исчерпанныя безъ остатка, примѣнимы вполнѣ къ жизни народной. И каждая сторона должна имѣть для проявленія свой отдѣльный органъ или укладъ, который организуется, устраивается въ частномъ построеніи. Общая совокупность всѣхъ этихъ частныхъ укладовъ составляетъ домостроительство всего народа или государства.

Для стороны народнаго чувства, которая выражается „соборною совѣстью", существуетъ тѣло Христово или Святая Церковь Православная.

Для волевой властной стороны въ русскомъ державномъ домостроительствѣ существуетъ Царское одноличное Неограниченное Самодержавіе.

Для разумной и свѣдущей стороны народной жизни должно быть также организованное домостроительство: Государственная Дума, Земскій Соборъ или Академія.

Мы видимъ, что рѣшеніе всѣхъ вопросовъ принадлежитъ одноличной волѣ Царя; эта Царская воля, по смыслу русскаго народнаго вѣрованія, получаетъ освященіе отъ Бога, а потому она получаетъ священную силу верховной власти. Царская власть есть власть верховная, самодержавная и неограниченная и иною быть не можетъ, но она не *деспотична*

и не *абсолютна*, такъ какъ деспотизмъ и абсолютизмъ не отъ Бога, а отъ соблазна, и намъ теперь легко усмотрѣть, въ чемъ и какимъ образомъ она связана и обусловлена.

Неограниченность не есть безотносительность, безусловность, безграничность, ибо изъ пяти областей жизни народной только волевая сторона въ Царѣ неограничена. Царская же совѣсть подчиняется всецѣло соборной совѣсти народа въ Церкви, ибо Царь не внѣ Церкви, а рабъ Божій, какъ всякій другой смертный.

Царское разумѣніе обусловлено вполнѣ мнѣніемъ всенароднымъ, ибо онъ невсевѣдущій и безъ мнѣнія народа и Академіи не можетъ знать нужду земскую, нужду народную; съ научнымъ совершенствомъ и совѣстливою правдою онъ связанъ народнымъ голосомъ. Царское чувство связывается, какъ всякое чувство, ибо чувство и есть то, что связываетъ; Царь связывается чувствомъ со своимъ народомъ, ибо онъ не можетъ не любить своего народа и не жалѣть его: онъ то и дѣло жалѣетъ и жалуетъ, т. е. милуетъ и, милуя, милуетъ. Народъ не можетъ не любить Царя, ибо Онъ всегда былъ его печальникомъ, и народъ Царя своего, въ свою очередь, жалѣетъ и любитъ до самоотверженія, до пожертвованія души своей за Царя своего. Значитъ, самодержавное чувство взаимно *связываетъ* Царя съ народомъ, кои находятся во взаимныхъ отношеніяхъ, взаимно обусловливаются.

Царь, какъ всякій человѣкъ, связанъ также своимъ физическимъ тѣломъ, своими природными способностями и даже недостатками, а государственнымъ тѣломъ ограниченъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова, государственными границами, и за границу своихъ предѣловъ не простирается Его Самодержавная Неограниченная власть политическая; нравственно-же предѣла Царскому вліянію нѣтъ.

Итакъ, Самодержавіе опредѣляется, т. е. ему назначены предѣлы, тѣломъ Государства и физическою личностью Царя, опредѣляется связь Царя съ народомъ въ любви и въ практичномъ дѣлѣ, Царь связанъ свободнымъ многообразнымъ мнѣніемъ народнымъ и академическимъ совершенствованнымъ его выраженіемъ, наконецъ, опредѣленъ и связанъ совѣстью личною, Царскою, т. е. совѣстью Помазанника и вѣнчаннаго на царство по особому чину вѣнчанія, и Соборною—церковною.

Самодержавіе не связано, не опредѣлено, внѣ ограниченія, только во власти и *волѣ* Помазанника Божія.

Какъ домостроительство соборной совѣсти организуется, начиная снизу, церковнымъ приходомъ, и кончая помѣстными и вселенскими Соборами, такъ и народное соборное мнѣніе должно быть организовано; оно зачинается снизу просвѣтительными ячейками знающихъ и свѣдущихъ людей по мѣстамъ, а сверху укладывается въ то, что называли въ старину *Земскими Соборами и Академіей.*

Это построеніе будетъ признано всѣми тогда, когда будетъ понято, въ чемъ заключается полнота державства всякой страны и народа. Подъ державой (державствомъ или царствомъ) мы разумѣемъ тѣсную связь между *государственностью, народностью и церковностью.* Если эта связь, т. е. единство трехъ сторонъ жизни народа, будетъ относиться къ русскому общинному земству народному, къ русскому царскому самодержавію неограниченному и къ православной Церкви (христіанской) соборной, то державство или держава будетъ *русская,* будетъ русское царство, и эта держава и будетъ *„Святая Русь“.*

Русь слагается изъ трехъ учрежденій, объединенныхъ въ связное единство: 1) учрежденія земскаго свободнаго мнѣнія въ *Земскомъ Соборѣ* (или Народной Думѣ или Академіи отъ земли и сословій) съ Народнымъ Посадникомъ, какъ представителемъ объединеннаго народнаго мнѣнія, непосредственнымъ докладчикомъ передъ Царемъ многостороннихъ мнѣній народа и обличителемъ неправды царскихъ слугъ; 2) учрежденія правительства и казны съ *первымъ чиномъ,* какъ царскій исполнитель верховной самодержавно-неограниченной власти; 3) учрежденіе церковнаго объединенія въ Синодѣ съ перво-присутствующимъ или патріархомъ,—представителемъ церковнаго управленія, церковнаго собора и соборной совѣсти народной.

Итакъ, державныя учрежденія трехъ свойствъ: *Земство* съ его соборомъ и его представителемъ народнаго мнѣнія *Посадникомъ, Государство* съ его казною и правительствомъ и представителемъ народной воли единственнымъ самодержавнымъ *Царемъ, Помазанникомъ Божіимъ,* и наконецъ Церковь съ ея епархіями, синодомъ и соборами и ея первоприсутствующій архіерей или *патріархъ.* Всѣ вмѣстѣ: Земство, Государство

и Церковное учрежденіе составляютъ въ цѣльной совокупности понятіе *державства* или *царства* съ Царемъ Помазанникомъ, самодержавнымъ рѣшителемъ и вершителемъ дѣлъ и законодателемъ во главѣ Земства, и Государства, и Церковнаго Управленія (Синода).

Заключеніе.

§ 15. Значеніе и внутренній смыслъ Московской философско-математической школы.

Итакъ, философско-математическая школа занимается математизаціей наукъ естественныхъ, каковы работы по аритмологіи, химіи, математизаціей наукъ и явленій общественно-государственныхъ и наконецъ указываетъ отчасти на возможность математизаціи понятій философскихъ. Этотъ послѣдній отдѣлъ естественно вытекаетъ, какъ изъ ученія мѣромудрости, такъ и славянофильскаго любомудрія. Посему познавательные (гносеологическіе) пріемы и начала (принципы) этой школы значительно шире старой западно-европейской цивилизаціи, основанной исключительно на раціонализмѣ эволюціи и аналитикѣ мышленія.

Философско-математическая школа, которую для краткости мы назвали въ самомъ началѣ *мудромѣрной*, можно назвать полнѣе школой психо-аритмо-механическаго мышленія. Этотъ оборотъ рѣчи не разъ встрѣчается у проф. Некрасова, когда онъ пытается дать общее обозначеніе всеевѣтной закономѣрности: „Общая міровая формула, выражающая закономѣрности вселенной, должна быть психо-аритмо-механическою, и этой формулѣ міровыхъ закономѣрностей свойственна *мѣрная неопредѣленность*, которая даетъ просторъ автономіямъ разумныхъ существъ, стоящихъ на различныхъ ступеняхъ развитія психики“.

Если въ семъ словообозначеніи „*психо-аритмо-механическаго*“ мышленія слово „*психо*“ понимать, какъ присвоеніе силъ духовныхъ, „*аритмологію*“, какъ обозначеніе силъ личнаго самосознанія, а „*механическое*“, какъ уразумѣніе міра, или природы, веществennаго или естественнаго, то ученіе мѣрномудрой школы московской совпадаетъ полностью съ сутью ученія славянофильства. Тогда, конечно, нельзя не

возстать противъ *варварскаго* неуклюжаго словопроизводства на иностранный манеръ, ибо „психологизмъ“ вовсе не означаетъ источника духовнаго вѣдѣнія, а лишь низшую ступень разумнаго знанія.

Зачѣмъ затемнять свѣтлыя мысли аршинными трехсоставными словами? Но если подъ словомъ „*психо*“ разумѣть не душевность, а духовность (пневма) и даже божественность, исходящую отъ Духа Святаго, то школа эта прямо примыкаетъ къ свято-ученію славянофильскому, составляя въ немъ, такъ сказать, *номенклатурную математически формулированную ея часть.*

Это означаетъ въ переводѣ на русскій языкъ, что психо-аритмо-механическое ученіе есть лишь попытка изобразить суть славянофильства научно и планомѣрно числовыми и величинными математическими выраженіями, подыскивая для основныхъ отличительныхъ свойствъ сего жизненнаго просвѣщенія соотвѣтственныя математическія символы или образцы (формулы).

Въ такомъ случаѣ требуется непзбѣжно перемѣнить словесный мундиръ иностраннаго (и въ данномъ случаѣ весьма страннаго) покроя на словесный обликъ чисто-русскаго склада. Говоря проще, слѣдуетъ усовершенствовать свой собственный философскій языкъ, т. е. приложить стараніе свободно-творческаго почина на собственное свое дѣло выраженіе этой творческой силы.

Идемъ далѣе по пути сравненія славянофильства и мудромѣрности. На самыхъ первыхъ даже порахъ нельзя не замѣтить сразу, что область познанія московской школы обхватываетъ три круга всей полноты вселенной, а именно, все духовное, душевное и природное, а потому по содержанію школа эта духовно-лично-вещественной полноты, что превосходно замѣняетъ выраженіе „психо-аритмо-логико-механическую“ неполноту, доводя неполноту сію до полноты цѣлаго міровоззрѣнія. Сила познаній въ послѣднемъ случаѣ потребуется троякаго направленія: духовно-вѣроисповѣднаго, душевно-разумнаго или лично-само-сознающаго и вещественно-опытнаго знанія, что кратче выразится словомъ *вѣро-умо-знаніе*. Если допустить вообще трехъярусныя реченія, то вѣро-умо-знаніе вполнѣ замѣнить слово „психо-аритмологическо-механическое (физіологическое) познаніе“. А самъ укладъ сего познаванія трехъ

областей бытія будетъ сложнымъ укладомъ—*мѣрнымъ любомудріемъ*. Въ этомъ единственномъ направленіи московская школа подвинулась впередъ сравнительно съ работами славянофильскихъ основателей, ибо вопросъ о построеніяхъ мѣрныхъ, числовыхъ, величинныхъ образцовъ (формулъ), укладовъ (схемъ) и распорядковъ (системъ) разработывался славянофилами далеко не полно. Наоборотъ, никто не относился такъ боязливо ко всему педантичному и формальному въ мысляхъ, какъ творцы славянофильства.

Несмотря на это, Хомяковъ все-таки въ основу выраженій всего ученія принялъ понятіе о *„свободѣ“* и изобразилъ ее математическою формулою: $0\times\infty$. Тотъ-же Хомяковъ выдвинулъ ариѳметику, какъ отличительную черту восточнаго просвѣщенія сравнительно съ западно-европейской культурой аналитическаго (алгебраическаго) свойства. Наконецъ, личную силу свободно-творческой воли положилъ Хомяковъ краеугольнымъ камнемъ всего ученія.

Позднѣйшіе послѣдователи московскаго славянофильства продолжали дѣло установки законовъ формъ и нормъ славянофильскаго мышленія, развивая двусторонній взглядъ на жизнь—вольную и подневольную (по Хомякову *Ирaнство и Кушитство*).

Въ числѣ работъ этого направленія отмѣчаются изслѣдованія *„апостола“* славянофильства, Данилевскаго, который научно обосновалъ славянофильское воззрѣніе на міръ, взявъ въ руководство для своихъ научныхъ трудовъ естество-историческій путь. Таково значеніе его знаменитаго „Россія и Европа“, гдѣ впервые изложено его новое ученіе о культурно-историческихъ типахъ, или великодержавныхъ мірахъ, и установлены законы, какъ развитія самихъ типовъ, такъ и наукъ вообще.

Мѣролюбомудріе московской школы прибавило совершенно сознательно къ основамъ любомудрія славянофиловъ понятіе мѣрила (критерія) и *мѣры*, кои умно-духовнаго свойства; оно есть, по слову премудрости Соломона и сына Сирахова, *число, мѣра и вѣсъ словесъ благоразумныхъ*.

Именно съ точки зрѣнія приложенія законовъ мѣры и чиселъ къ мѣрилу жизни, какъ показалъ проф. Бугаевъ, пріобрѣтаетъ громадное значеніе сила свободной личной самостоятельности, личной самобытности,—личное, однимъ сло-

вомъ, самодержавіе, безъ допущенія котораго, какъ основоположенія всей школы, *цѣлесообразное* пониманіе жизни было бы невозможно. И съ этой точки зрѣнія становится совершенно понятнымъ, *почему* этотъ выдающійся мыслитель одинъ изъ наиболѣе крупныхъ математиковъ нашего времени, поясняллъ и доказывалъ помощью своей науки великое значеніе (для человѣческой жизни) народной свободы (націонализма), народной самобытности, и почему съ другой стороны въ выраженіяхъ отвлеченнаго „*космополитизма*“ онъ видѣлъ проявленіе жалкой *иллюзіи (бреда)* грубаго обмана или расчетливаго *эгоизма (самости)*. Бугаевъ, по словамъ С. А. Усова, „живя духомъ со всѣмъ человѣчествомъ, чувствуя себя членомъ всего космоса, относился къ этому космосу не рабски, а самостоятельно; и какъ ни великъ, какъ ни грандіозенъ этотъ космосъ, какимъ-бы исполиномъ не былъ этотъ всеміръ, по онъ не заслонялъ ему своего народа“...

Итакъ, служа космосу, онъ служилъ ему черезъ свой народъ, а не помимо его, ибо школа Бугаева—школа народолюбивая, и самобытная, и самостоятельная.

Служеніе-же человѣчеству черезъ семью и народъ—есть главная мысль построенія славянофильствомъ тѣлосложенія всего живущаго разумно на землѣ; народъ въ этомъ координованномъ сочлененіи является понятіемъ срединнымъ (центральнымъ), что придаетъ всему славянофильскому ученію объемную полноту многосторонности. Въ семъ смыслѣ наша наука превосходитъ плоско-приниженную науку Запада.

Всякая координація связываетъ и сочленяетъ въ одну общую соборность, распредѣляя все богатство разнообразія сторонъ даннаго понятія по тремъ направленіямъ или осямъ. Анализъ, наоборотъ, все раздваиваетъ и раздѣляетъ на тезисы и антитезисы. Западная философія по сущности своей дуалистична, ибо аналитична, а гдѣ двойственность безъ соборной троичности, тамъ жизнь замираетъ, мысль заглушается, ибо для возникновенія послѣдующаго предшествующее должно уничтожиться.

И въ дѣйствительности, вся философская мысль Запада зиждется на раздѣленіи (анализѣ) и канители эволюціи. Не только всѣми признанныя философскія раздѣленія второстепенныхъ мыслителей Конта, Милля, Спенсера и др. тому доказательство, но также подтверждаютъ нашу мысль и уче-

нія такихъ корифеевъ, какъ Кантъ, Гегель, Шопенгауэръ и другія европейскія знаменитости. Каково раздѣленіе мысли, таково и раздробленіе жизни, труда и т. д. Соотвѣтственно дробятся и раздваиваются политическія части, соотвѣтственно дуалистичны всѣ европейскія конституціи и парламентскія дробежки. Въ раздѣленіи—не жизнь, а смерть; посему европейская аналитическая мысль не долговѣчна, она неизбѣжно тянетъ къ самоуничтоженію, къ самоубійству.

Мертвою буквою непогрѣшимой учености отдѣляетъ западная философія мысль отъ воли и дѣла, эмпирею отъ умозрѣнія, филологію отъ словесности, юридическую форму (право) отъ совѣсти (правды), судебную власть отъ прочихъ властей, государство отъ общества и индивидуума, природу отъ ея Творца. Не то—восточное міровоззрѣніе: оно требуетъ, чтобы отдѣляющая грань двухъ явленій не была безжизненною, но живою мѣрномудрою связью, творческою, сознательно-добровольною спайкою.

Въ этомъ отношеніи можно безспорно сдѣлать общій выводъ, что анализъ, т. е. раздѣленіе и распаденіе, принадлежитъ Западу; синтезъ, т. е. сложеніе, творческое созиданіе,—принадлежитъ Востоку.

У ученыхъ мыслителей Запада не только вѣра (foi), вѣреніе или вѣрованіе (croyance), но даже простое убѣжденіе (conviction) выбрасываются, какъ виновники недостов*ѣрнаго* познанія, выбрасываются за бортъ корабля познанія по слѣпотѣ и близорукости или по злонамѣренію недобросовѣстныхъ руководителей или по непростительному недомыслію. Мыслитель Запада, не вѣдая въ слѣпотѣ своей, отсѣкаетъ единственную плодоносную отрасль знанія, именно ту вѣтку отъ древа познанія добра и зла, на которой судьба, противъ его воли, посадила его самаго. Эти мысли выражены Хомяковымъ такъ:

(Соч. Хом. Т. II стр. 2). Западная „наука глядѣла на вѣру свысока, какъ на пережитую форму самосознанія, изъ которой человѣчество торжественно выбивалось на просторъ". „Востокъ ставитъ вѣру на вершину сознанія и смотритъ на нее, какъ на единственное мѣрило истины, ибо истина божественно-безусловна, а безусловность принять, признать и сознать возможно только вѣрою."

Еще въ другомъ мѣстѣ Хомяковъ подтверждаетъ: *(Соч.*

Хом. Т. II стр. 74—75): „Любовь къ истинѣ, при безсиліи понять ее въ ея живой реальности, удѣлъ Запада, словомъ: раціонализмъ въ идеализмѣ,—такова доля протестантовъ; сердечная, искренняя любовь къ порядку внѣшнему, при неуваженіи къ самой истинѣ, т. е. порядку внутреннему, словомъ: раціонализмъ въ матеріализмѣ,—такова доля Латинянъ; всеобъемлющая духовность—въ Православіи.

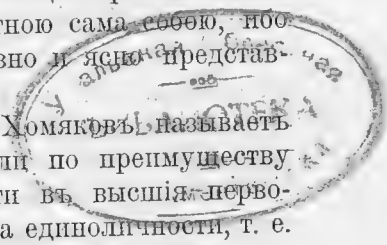
Посему совершенно естественно, когда любомудріе славянофильства воспользуется мѣролюбомудріемъ московской школы для установки полнаго уклада своего цѣльнаго міровоззрѣнія. Но это все-таки не конецъ научнаго достиженія, оно все-же не полное умо-самодержавіе славянофильства. Планомѣрность, ни числомѣрность, ни даже мѣра оцѣнки, еще не полный всеобхватъ предмета, а только главные указатели направленія къ предѣльнымъ вершинамъ вселеннаго всеобъема. Чтобы достичь этого конечнаго всеобхвата, т. е. довершить все зданіе ученія, нужно подъ конецъ ясно уразумѣть самую *безпредѣльность предѣла*, т. е. мѣру самой безпредѣльности. Другими словами, кромѣ мѣро-лично-числового начала, требуется еще точное объемо-обхватывающее начало; не достигнувъ этого, получается неудовлетворенность: все изображается поверхностью, ибо мѣра не есть еще итожный краевой предѣлъ, а лишь мѣрка или мѣрило измѣренія, т. е. мѣра—начальное единичное проявленіе измѣряемаго понятія.

Объемность и всеобхватность достигается лишь привнесеніемъ въ построеніе ученія понятія о предѣло-пространствѣ, т. е. привнесеніемъ начала пан-геометрическаго (начала мѣста въ его безпредѣльности). Это принимается за необходимое и проф. Некрасовымъ, который указалъ даже, что „въ ряду предметовъ точнаго познанія *геометрія* занимаетъ первое мѣсто по простотѣ математическихъ основаній критики ея началъ.“ (Проф. П. А. Некрасовъ Моск. фил.-мат. школа, 12).

Такимъ образомъ еще не достигнута полнота картины, ибо не хватаетъ понятія пространства. Локальный принципъ, говоря по иностранному, долженъ слиться съ хроникальнымъ. „Мѣсто“ должно сочлениться съ „часомъ“ (временемъ), а все общее начало всесовокупной цѣльности и полноты получится при союзѣ и мѣры, и мѣста, и часа.

Безъ этого геометрическаго уясненія, иноязычное выраженіе *координированное мышленіе* Бугаева и Некрасова вовсе не образно и скорѣе туманно, какъ туманна безсодержательность (мыльнопузырность) идеализма.

Только при понятіи *мѣста* координація аритмологическаго мышленія становится ярко понятною сама собою, ибо лишь пространственный видъ живо, явно и ясно представляется нашему взору.



Понятія о мѣстѣ и часѣ то, что Хомяковъ называетъ *часо-мѣстомъ* (locus-tempus), разработали по преимуществу первые основатели-славянофилы. Ввести въ высшія опредѣленія (категоріи) еще и свойства единоличности, т. е. мѣры, есть заслуга мѣрнолюбцевъ математической философской московской школы. Число, мѣра и вѣсъ (оцѣнка), т. е. мѣро-число-оцѣнка знанія, міровоззрѣнія и жизнепониманія есть задача, разрѣшаемая профессорами-аритмологами Бугаевымъ, а также Некрасовымъ и Алексѣевымъ, а въ дальнѣйшемъ ходѣ развитія сего ученія включеніе еще и геометрическихъ осей довершитъ наглядность изображенія. Такъ что предстоящая задача славянофильской школы—изъ мѣро-любомудрія или мѣро-мудрости выработать славянофильскій укладъ цѣльной мудрости или *цѣломудрія*.

Кромѣ того, не слѣдуетъ забывать, что славянофильство не есть исключительно только философское ученіе. Оно есть полное самобытное русско-народное просвѣщеніе исконныхъ началъ древне-русскаго строя и истинно-православнаго духа, основанное на признаніи единственной, объединяющей людей силы *любви*, которая опредѣляетъ все достоинство всей жизни. Славянофильство полагаетъ себѣ цѣлью сплотить въ братскую семью и христіанскій соборъ всѣ народы материковъ.

Посему оно не можетъ выключить изъ всеобщей полноты и цѣльности своего философскаго познанія, вѣроисповѣданія истины союза Бога и человѣка.

Славянофильское просвѣщеніе синтетическаго соборнаго направленія, его стремленіе сочетать всѣ стороны познавательныхъ силъ въ одно живое знаніе, и эта связь знанія, сознанія, совѣсти и дѣйствительности въ объединеніи, обобщеніи и полнотѣ, т. е. въ настоящей соборности познанія, видитъ славянофильство свою первую ближайшую задачу знаніевѣдѣнія (гносеологіи). Тутъ обнаруживается, между

прочимъ, „вѣрующее разумѣніе“, „живое знаніе“, „волящій разумъ“ и другія новыя, необычныя для западно-философской науки силы, и всѣ онѣ свободотворческаго значенія (аритмологическаго вида). „Мысль познающая, пишетъ Самаринъ, какъ органъ науки, достигаетъ до полнаго своего развитія и могущества только при условіи совокупнаго и сосредоточеннаго участія въ процессѣ постиженія всѣхъ силъ и способностей духа; воля придаетъ мысли постоянство направленія, побуждая и сдерживая ее; теплое сочувствіе согрѣваетъ мысль и вооружаетъ ее безошибочностью духовнаго инстинкта, угадывающаго въ историческихъ явленіяхъ едва проявленныя движенія человѣческой души“. (Самаринъ I—116).

Посему славянофильство и мѣромудрость московской философско-математической школы несомнѣнно сродственны, ибо оба ученія ввели въ свою гносеологію новую силу познанія (живознаніе), которую цивилизованный Западъ, скудный на духовность, совершенно или почти совершенно, отрицаетъ.

Сила эта заключается въ сложныхъ познавательныхъ способностяхъ: вѣропознаніи, живознаніи, волеразумѣніи и въ ихъ совокупномъ проявленіи, а не въ отдѣльности, каждой самой по себѣ. Въ символическихъ формулахъ мудромѣрности эти силы выразились вставкою въ общій рядъ ариѳметическихъ величинъ новой величины,—*личнаго творческаго усилія*. Нити непрерывнаго фаталистическаго (рокового) несвободнаго эволюціонизма и расклубленія Запада разсѣчены ножницами аритмологіи на отдѣльные самостоятельные концы, будто три Парки древности обрываютъ нить жизни. Но Парки античнаго міра работали надъ уничтоженіемъ и были представительницами исключительно разрушительной силы. Свободотворческія силы славянофильскаго ученія не разрушаютъ, а созидаютъ. Восточные мыслители-мудрецы воистину плотники, кои, обтесывая древо познанія, воздвигаютъ изъ сего живого матеріала храмъ Истины...

По политическому взгляду, по психологическому построенію, по точности математической правильности, оба ученія, какъ доказано, одного направленія, но не все славянофильское свободотворческое и духовное воспринято полностью новою московскою школою, и эта разница, повидимому, заключается въ не совсѣмъ правильномъ пониманіи

„*духовнаго*“ и смѣшиваніи духовнаго начала отчасти съ мистическимъ, что навѣяно на школу неустойчивымъ спиритомъ-юдофиломъ, Вл. Соловьевымъ.

Несомнѣнно также, что сходство этихъ ученій заключается въ приложимости ихъ основъ ко всему въ мірѣ, вѣрнѣе сказать, всеобхватѣ ихъ стремленій, требующемъ всепознаваемости. Оба ученія занимаются явленіями духовной, душевной и тѣлесной жизни безъ ограниченій предѣловъ изслѣдованія и безъ всякихъ остатковъ и недомолвокъ.

Если жизнь есть творчество (т. е. трудъ духовнаго происхожденія и рожденія), если жизнь не можетъ обойтись безъ вдохновенія, если истина ведетъ къ жизни, а ложь къ смерти, то школа любомудрой мѣрности, служа духовному началу,—живая школа, она источникъ живого знанія, и ей предназначено уничтожить ложь эволюціонной исключительности западно-европейской и заморской школы, какъ *жизнь* вѣчная уничтожаетъ смерть, а не какъ земная смерть уничтожаетъ эволюціонную временную земную жизнь.

Полнота цѣльнаго познанія достигается лишь одновременнымъ развитіемъ трехъ пріемовъ научнаго изложенія: 1) анализа—эволюціонизма для явленій неизбѣжно-закономѣрной природы, 2) аритмологіи для проявленія свободотворческаго почина и 3) геометрической координаціи для выраженія цѣльной, единообщей полноты отдѣльныхъ понятій, связныхъ сочетаній, высшихъ опредѣленій (категорій), распорядковъ познаній и уклада всего объема всѣхъ познаваній.

Западная наука выдвинула впередъ и разработала анализъ, вотъ ея міровая заслуга; но, принявъ анализъ за исключительно-единственный пріемъ, погрѣшила противъ Истины,—вотъ ея міровая вина, міровая ложь. Славянофильство включило вѣропознаніе (живознаніе) въ кругъ научныхъ задачъ и тѣмъ выдвинуло синтезъ (соузъ соборности) цѣльнаго знанія или цѣломудріе и поставило во главѣ угла всего любомудрія, и тѣмъ, убивъ исключительность западно-европейскаго анализа, оно открыло широкіе кругозоры всесвѣтнаго достовѣрнаго пониманія трансцендентнаго (обонпольнаго вѣдѣнія), недоступнаго западно-европейскому научному знанію. Западная наука въ лицѣ Спенсера окрестила это самое достовѣрное, цѣльное вѣдѣніе вѣрознаніемъ—незнаніемъ

(агностицизмомъ, непознаваемостью) и тѣмъ сама удостовѣрила собственную свою немощь смертельную.

Аритмологія Московской философско-математической школы обосновала научными выраженіями (математическими формулами) эту цѣльность познанія славянофиловъ, и нынѣ остается выполнить высшее стремленіе Хомяковской школы для достиженія полной наглядности—высшую планомѣрность; нужно изобразить аритмо-аристологическую (мѣромудрую) полноту геометрическою очевидностью (внѣшнею наглядностью).

Такова задача славянофильства двадцатаго вѣка.

5 сентября 1907.
Усть Нарова.

06000141671